

ТАТЬЯНА
АЛЕКСАНДРОВА

СКАЗКИ СТАРОЙ ТРЯПИЧНОЙ КУКЛЫ

«МАЛЫШ»

ТАТЬЯНА
АЛЕКСАНДРОВА

СКАЗКИ
СТАРОЙ ТРЯПИЧНОЙ
КУКЛЫ

Рисунки А. Зининой

«МАЛЫШ»

Сказки
старой
Трапичной
Куклы

-Было это давным-давно, — сказала старая-престарая тряпичная кукла. — Я ещё совсем новёхонькая была и жила в деревне у двух сестёр. Которая постарше, младшую нянчила, а младшая — меня.

Уехали как-то отец с матерью на ярмарку в дальнее село. Мы остались одни. Девочки как могли по хозяйству управились, забрались на печку спать и меня с собой взяли.

Проснулись среди ночи. Слышим, кто-то гудит, воет, свищет. А избу свою не узнаём. Она выше стала. Из окон серебряный свет льётся, полна изба сере-

бряного света. Занавески на окнах, самовар на столе, скамейки, чугуны, ухваты — все на себя не похожие, до того нарядные, будто в гости собрались или гостей ждут.

Вдруг распахнулась дверь. Зазвенели пустые вёдра на лавке в сенях. Зашевелилась старая шуба на гвозде у двери. С громом упала кочерга. Захлопали занавески на окнах.

Девочки лежат на печи ни живы ни мёртвы. А по избе кто-то ходит и вздыхает, ходит и вздыхает.

Старшая сестра, Настя, прижала к себе младшую, Мотю, и спрашивает:

— Кто там по дому ходит, спать не даёт?

Тут к печи подошли, вздыхает кто-то, стонет, плачет.

— Ты кто? — спрашивает старшая сестра. — Если станешь нас обижать, лучше уходи!

— Ветер я! — послышался голос. — Всего только Ветер.

— Ты чего плачешь, Ветер? — пожалели его девочки. — Замёрз или боишься кого?

— Кого мне, Ветру, бояться? — отвечает ночной гость. — Я ли замёрзну?

— А что ж ты плачешь, такой большой и сильный?

— А то и плачу, — говорит Ветер, — что никому и не нужен, никому не мил. Все от Ветра прячутся, все от меня бегу-у-ут, У-у-у! Ещё и дразнят: «Один, как Ветер в поле».

— Что ты, Ветер?! — утешают его девочки, — Всем ты, Ветер, нужен, нельзя без тебя, без Ветра. Сено без тебя не просохнет, хлеб не обмолят, тучи с места не стронутся. И в песнях про тебя поют, как ты кораблик по морям носишь.

Обрадовался Ветер, перестал вздыхать и плакать, слушает, что ему скажут.

А девочки давай его хвалить:

— Кто без тебя будет крылья мельницам вертеть, кому муку молот? Кто поможет хлеб веять? Кто наше бельё высушит?

Забыли девочки, что Ветер переменчив. А Ветер взял и обиделся:

— Это я, Ветер, ваше бельишко сушу? Я к вам в работники нанялся? Я — вольный Ветер! Я — могучий Ветер! Крышу с дома сорву, тогда увидите, какой я вам слуга. Ишь что придумали!

Испугались девочки:

— Пожалей нас, Ветер, не сердись! Мы ведь не хотели тебя обидеть. Ты — вольный Ветер, ты — могучий Ветер. Что хочешь, то и делаешь.

— То-то! — успокоился Ветер, — Ну ладно! Пора и мне, Ветру, проветриться!

— Прощай, Ветер! — говорят девочки. — Прости, если что не так сказали. Хочешь, мы завтра с тобой поиграем? Мы тебя всюду найдём!

— Так уж и найдёте? — рассмеялся Ветер. — Ищи Ветра в поле! Лучше я сам вас найду в поле или на лугу. Так и быть, поиграю с вами. Но если чересчур

разыграюсь, бегите домой. Я — Ветер перемен-
чивый, сам не знаю, чего хочу.

Хлопнул дверью и ушёл.

Тут и отец с матерью вернулись.

— Заходил к нам кто-нибудь? — спрашивают.

— Заходил! Заходил! — обрадовались девоч-
ки. — Ветер заходил!

— Значит, никого не было, — сказали родители.

Хочется в школу, а зима, — снова начала свой рассказ старая престарая тряпичная кукла. — Матушка уговаривает Настю и Мотю:

— Не дойти в эту пору. Восемь вёрст снегом шагать. Здоровый мужик, может, и дойдёт, да и то в валенках. А у вас и валенок нету, и малы ещё. В поле снегом заметёт, в лесу волк загрызёт. Было у меня две доченьки, не станет ни одной. Чем эдакая напасть, садитесь-ка лучше пряхь. Вон сколько льну наготовлено. А то скажут люди: ну и пряхи — ни юбки ни рубахи!

Сели на лавочку пряхь. Чтоб не скучно было, поют с матушкой песни. А в школу всё равно охота.

Как-то проснулись поутру. В избе по стенам солнечные зайцы скачут. На столе завтрак матушка оставила. На печи старые отцовы валенки сохнут.

Девочки позавтракали, чашки вымыли. Что дальше делать? В окно солнце сияет, снег сверкает, небо синее.

— Моть, побежали в школу? — говорит Настя. День-то обрадовался солнцу, потянется подлиннее. Как раз до темноты туда-сюда обернёмся. Нас и не заругают. Учительница обрадуется, буквы в книжке дальше покажет. По карандашу подарит. Наш-то почти весь изрисовался.

Настя обулась в валенки. Хоть и не впору, идти можно. Мотя лапти надела. Старшая сестра завернула в платок по куску хлеба, младшая меня в платок завернула. Быстро побежали задворками, огородами — не остановил бы кто. С тропы не сойти — снег. Тропа вывела на дорогу, дорога — в лес. В лесу красота, не наглядисься. Не иначе, Снегурочка здесь побывала. Кто ещё так все деревья, все кусты изукрашит, ни одного не пропустит.

— А матушка нас не заругает, что без спросу ушли? — спрашивает Мотя.

— Так мы туда и обратно! — говорит Настя. — Долго ли? Учительницу нашу посмотрим. Соскучилась по нас, поди.

Идут, идут, а лесу конца нет. Снегу на дороге — быстро не пойдёшь. Хорошо Насте в валенках, а у Моти полны лапти снега. Солнце то ли за тучу зашло, то ли за деревья. Снег не сверкает. Тихо. Только сорока крикнет, выскочит перед девочками на дорогу и опять в лес.

Снег пошёл. Сначала мелкий, как мука, мучинка от мучники далеко. Потом крупнее, будто крупа с неба посыпалась. Потом хлопьями повалил. А вышли из лесу — тишины как не бывало. В поле выл, гудел, свистел ветер. Да не один, а много дружков-приятелей налетели из разных краёв и стран. Гоняются друг за другом, борются, кружатся, носятся, будто с цепи сорвались. Не то что дороги — белого света не видать, один белый снег.

В лесу сильному ветру тесно, слабые ветерки гуляют, посвистывают. Снег сыплется пуще и пуще,

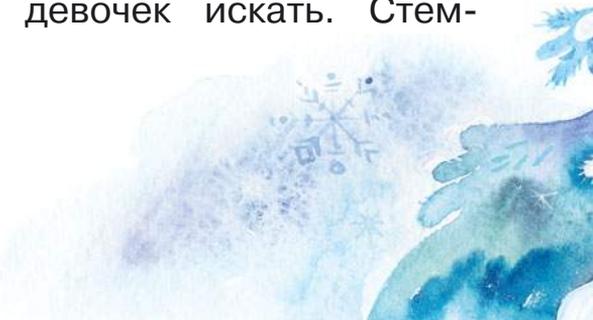
сумерки опускаются. Девочки туда-сюда — и сбились с дороги. Мотя плачет, устала, озябла, лапоть с ноги потеряла, без лаптя да по снегу, по лесу. Настя перепугалась, но молчит: старшая всё-таки.

Залезли девочки под густую ель. Настя сняла отцовы валенки. На один валенок сами сели, в другой ноги сунули, и ещё место осталось. Прижались одна к другой, достали хлеб, одним платком укрылись. «Снежная туча пройдёт, — думают, станет в лесу светлее, отыщем дорогу и пойдём домой. А то батюшка с матушкой вернуться — заругают».

И не заметили, что меня с ними нету. А я, когда девочки ещё на дороге топтались, из платка да на дорогу, на самый пригорочек. Ветерок снег с меня сдувает, лежу на самом виду.

Батюшка с матушкой вернулись — нет дочек. Ну, думают, у подружек. Но подружки сами прибежали поиграть. Тут матушка встревожилась, стала по деревне дочек искать. Нигде нет. И отец встревожился. Глядь, нет дома старых валенок да тетрадки школьной. Не иначе, в школу ушли.

Много народу пошло девочек искать. Стем-

нело. В руках у людей толстые смолистые ветки горят. При свете такой ветки один мальчишка, живший от нас совсем неподалёку, и нашёл меня. Он сначала думал, что я — пучок травы,

полузасыпанный снегом. Но я изо всех сил глядела на него, чтобы он меня поднял. Вгляделся и как заорёт:

— Тут они! Тут ихняя кукла валяется!

Все сбежались, стали звать, аукать, искать вокруг. И нашли девочек под ёлкой. Они спали, прижавшись друг к дружке, сунув ноги в один валенок.

— Это наша спасительница! — говорили с тех пор про меня. — Если бы не она, девочки и замёрзнуть могли б!

Настя и Мотя был младший брат Федотик, — рассказывала старая-престарая тряпичная кукла. — Сначала он такой маленький был, что в люльке на дне лежал, и его совсем не было видно. Потом до половины люльки дорос. А когда научился из люльки выглядывать, стали сёстры его нянчить вместо мамы. Меня в люльку к Федотику посадят и качают.

Дело было летом. Отец и мать в поле. А мы с Настей и Мотей нянчили Федотика. Он уже стал ростом с люльку и научился сам из неё вылезать.

Прибежали подружки:

— Пошли с нами! Ягоды в лесу спели!

Как не пойти!

Мотя меня, куклу, на руки взяла, Настя — братика. Прихватили корзины и — в лес. А там от земляники красным-красно, от черники черным-черно. А как Насте-то собирать, руки у неё

заняты. Поставила братца на землю. Он раз шагнёт — одной ногой другую зацепит, два шагнёт — второй ногой первую заденет, три шагнёт — да и шлёпнется.

Видят девочки, далеко братец не убежит. Постелили платок с головы под кустом, усадили братца. В одну руку кусок хлеба дали, в другую — меня, игрушку, чтоб не скучал. И начали собирать ягоды. Они собирают, а Федотик хлеб ест и меня кормит. Принесли ему ягод. Он одну ягодку съест, другую мне протянет. Видят сёстры, хорошо нам с Федотиком, да и ушли по-дальше.

Остались мы одни, да ненадолго. Прилетела бабочка. Машет крыльями, а сама как цветок. Федотик одну ягодку себе, другую бабочке протягивает. Не ест бабочка ягод.

Бабочка улетела, а с ветки спрыгнула птица. Федотик одну ягодку себе, другую — птице. Птица ягоду съела, хлеб поклевала, улетела на ветку и давай песни петь. Она поёт, а мы подпеваем.

А с дерева прямо к нам — белка, пушистая, ушастая, сама рыжая, хвост серый, глаза блестят. Федотик одну ягоду себе, другую — белке. Первый раз белку видит, а не боится, хлеб

ей протягивает. И белка не боится, хлеба по-пробовала, ягод поела и стала цокать: спасибо, мол. Прыгнула на дерево и убежала вверх по стволу.

А из-за куста идёт, хвостом траву метёт лиса, рыжая, нос длинный. Федотик одну ягоду

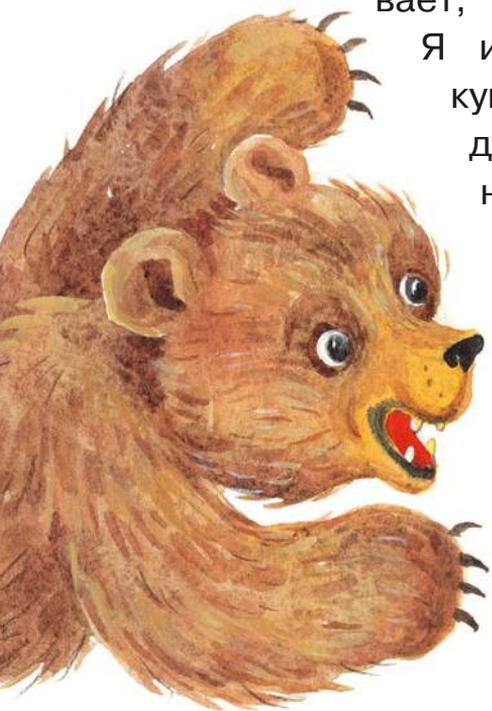

себе, другую — лисе. Та ягод не хочет, схватила хлеб, весь кусок, и побежала. Бежит, оглядывается, хвостом помахивает: спасибо, мол. Хотели мы с Федотиком заплакать, да передумали: у нас ведь ягоды остались. Тут ветки затрещали, и прямо к нам — как вы думаете, кто? Лиса вернулась? Нет. Сёстры прибежали? Нет. Они далеко ушли, их даже слышно не было. Прямо к нам — зверь, косматый, косилапый, куцехвостый, побольше нашего Барсика, поменьше Барбоса.

Федотик одну ягоду себе, другую — зверю. А тот взял да и съел ягоды, все до одной. И начал лизать Федотика, ведь у малыша и руки, и лицо, и рубашка в ягодах. Пасть открывает, язык высовывает, зубы острые.

Я и подсунулась ему. Пусть меня, куклу, лижет, я ведь тоже в ягодах. Он полизал-полизал, жевать начал. Жуёт и приговаривает: «Ррр!» А Федотик плачет-заливается, тянет меня из звериной пасти.

И тогда на поляну с одной стороны выскочили Мотя с Настей, а с другой — ещё один зверь, ростом с нашу Бурёнку.

Сёстры как закричат, схватили Федотика, Федотик — меня — и наутёк. А Большой зверь как зарычит, хватать маленького и тоже наутёк. В другую сторону, только ветки затрещали.

Выбежали на опушку леса, Настя нас с Мотей и Федотиком посадила на травку, а сама не побоялась, вернулась на ту поляну за платком и за ягодами, которые там оставили, когда от медведицы убегали. Полные две корзины ягод домой принесли.

Шёл солдат со службы домой. Это было давным-давно, ещё в те времена, когда солдаты по двадцать пять лет в войсках служили, вот как давно!

Служил солдат долго, а выслужил немного. Разве что звать стали не Петькой, а Петром. Ушёл из деревни на службу царскую парнишка, а обратно пришёл старик с седыми усами, нёс за спиной ранец, в кармане — три копейки, а в седой голове — думу: остался ли дома кто в живых да помнят ли его, старого.

Тридцать рек переплыл солдат, а через сколько речек и ручьёв перебрался, не сосчитать. Че-

рез семь великих городов прошагал солдат, а сколько прошёл он малых городов, посёлков, сёл и деревень, и не перечешишь. Сто лесов прошёл солдат, а сколько лугов, полей, перелесков, и не упомнишь.

Через широкие реки люди солдата на лодках перевозили, а в городах и деревнях кормили, спать укладывали: летом на сеновале, зимой на печке, к теплу поближе.

Идёт солдат, идёт. Реки всё шире, деревня от деревни всё дальше. Утром выйдешь из одной, а до другой деревни дойдёшь только к ночи. «Куда идёшь, мил человек? — спрашивали его. — Оставайся у нас!»

Поблагодарил солдат, но до дома уже недалеко. Город да речка, луг, поле, роща, лес большой, а там ещё вёрст сорок — и деревня солдатова.

Купил солдат на свои три копейки баранок и пряников — гостинец племянникам и внукам, если есть кто. Из города вышел

на заре. Весна была, заря рано поднималась. Солнце на небо вышло, а солдат уже за рекой по лугу идёт, свои солдатские песни распевает. На поле вышел, крестьян встретил, хлеб они сеяли, усадили солдата с собой обедать. Он им за это рассказал, где бывал, что видал, какие люди в дальней стороне живут, что делают, о чём разговаривают.

Отдохнул солдат, пошёл дальше. Весенний день долог. К вечеру солдат увидел лес. Большой лес, конца-краю не видать, сырой, тёмный. Сосны вершинами машут, ёлки лапами шевелят. Гудит ветер, будто в лесу кто-то рычит, шевелится.

Подумал солдат, идти ли в лес на ночь глядя? Да сколько ночей он в лесу провёл с товарищами! И пошёл лесной дорогой. Шёл, шёл, много вёрст прошёл. Болото, кусты колючие сзади оставил. Поднялся на холм, а внизу мост через реку и деревня за мостом лежит, в окошках огоньки зажигаются.

Обрадовался солдат. Стосковался по теплу. Да и стар уже, косточки болят к ночи. А тут ещё дождь начинается. Солдат успел до первого дома добежать, в окно стучится. Хорошая изба, крепкая. Брёвна ровные, круглые, из трубы дым идёт. Небольшое окошечко высоко от земли. Солдат еле дотянулся, чтобы постучать. В окошке

ть показалась. Кто-то в щёлочку выглянул, солдата разглядел, погасил огонь, скрылся в избе.

Ждал-ждал солдат у высокого крыльца, никто не вышел, дверь ему не открыл. «Дом богат, а угрюм, — подумал солдат. — Гостям не рады. Ну, может, горе у них какое или болезнь?»

Подошёл ко второму дому, взошёл на крыльцо, постучал в дверь:

— Пустите ночевать дорожного человека! Третий год с царской службы домой иду, три дня идти осталось.

— Ступай-ступай! — ответили из-за двери. — Нечего тут! Нет нам до тебя дела!

Оглядел солдат крепкий, ладный дом, головой покачал, пошёл дальше.

В третьем доме не отозвались, в четвёртый не пустили, в пятом собак спустили, в шестом старуха из окна выглянула, проворчала: ступай, мол, служивый, мимо. Всю деревню прошёл солдат, во всех избах огонь погасили, двери изнутри покрепче заперли.

Осталась одна избушка-развалюшка. Солдат в неё постучался. За дверью возятся, а не открывают, солдата не пускают. И пошёл солдат прочь. Дождь на нём нитки сухой не оставил, ветер насквозь продувает, косточки ломит, старые раны болят. Оглянулся солдат и сказал:

— Будь ты проклята, деревня, медвежий угол! — и пошёл не оглядываясь.

А если б оглянулся, то увидел бы, что слова его исполнились. Вместо домов — берлоги, и бегают возле них медведи, большие, маленькие, средние. Рычат друг на друга, будто ругаются.

Лишь один дом как стоял, так и стоит, крайний, маленький, где жили дети-сироты Акулька да Васятка. Не успели они солдату дверь открыть, отодвинуть от неё вёдра, бадейки, скамейки, которыми загородились, чтоб медведь из лесу к ним в крайнюю избу не заглянул. Выбежали дети из дому, зовут солдата, а в ответ медвежье рычание. Опять загородили дверь и дрожали от страха до самого утра.

Утром вышли брат с сестрой, не узнают деревни. Одни берлоги, а вокруг медведи, старые и малые, ревут по-звериному. Испугались Васятка с Акулькой, а медведи их не тронули. Окружили и давай плакать, будто просить о чём. Догадались дети, что это солдат рассердился, проклял

деревню. «Так ли?» — спрашивают. «Так, так!» — кивают головами медведи и смотрят жалобно-жалобно.

Побежали брат с сестрой искать солдата. Долго бежали, но догнали. Долго упрашивали снять проклятие, но упросили. И опять в деревне люди живут, а от медведей только название осталось — Медвежий Угол.

Жил-был маленький медвежонок Бурик. У него была мама Бурая медведица, большая, лохматая и добрая. А ещё у него была сестра, маленькая, лохматая и тоже добрая. Сам медвежонок был маленький, лохматый, а добрый или нет, он не знал. Во всяком случае, он был очень весёлый.

Целыми днями бегал он по мягкой траве, грелся на солнышке, а больше всего любил кататься с горки. Сядет на глину — вжж! — поехал! Плюх — прямо в реку! Его сестра и мама тоже сядут на глину — вжж! — поехали. Плюх! Вот было весело.

А ещё мама и сестра показывали Бурику всякие сладкие ягоды. Медвежонок сразу стал

очень быстро разыскивать их. И всегда звал маму и сестру. Значит, он тоже был добрый. Верно? Очень ему понравились и земляника, и черника, а малина — больше всего.

А ещё он любил бегать за стрекозами и бабочками. Они летали от него в разные стороны, и медвежонок не поймал ни одной: ведь он не умел летать.

Ловить цветы было неинтересно: они сами лезли в лапы и были невкусные. А вот ягоды — другое дело.

— Ррр! — говорил Бурик. — Я тебя поймал! Ам! Поймал! — И ловил земляничину и черничину прямо ртом. А когда поспевала малина, разинешь пасть — ам! — и поймаешь целую кучу ягод. Сплошное удовольствие!

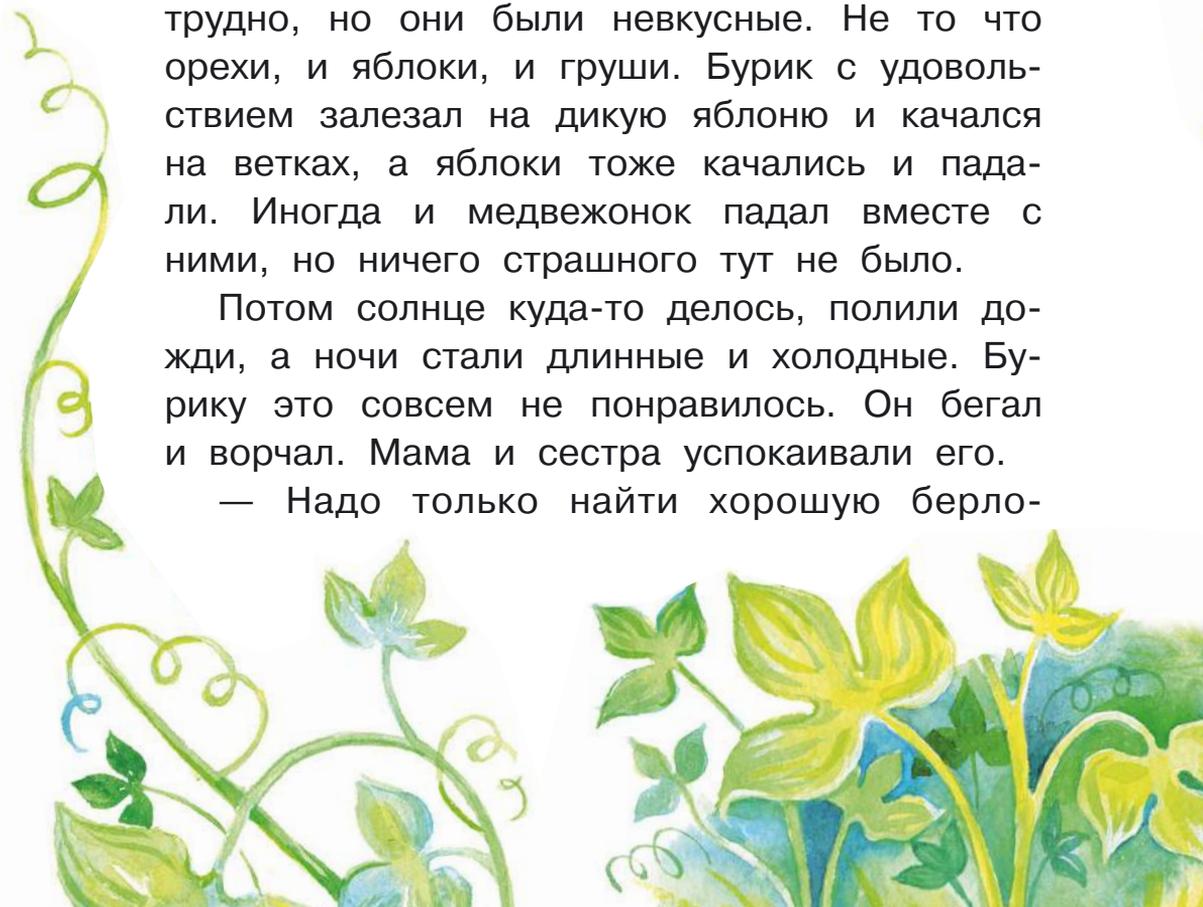
— Ешь, ешь, — говорила ему мама. — Запасайся на зиму!

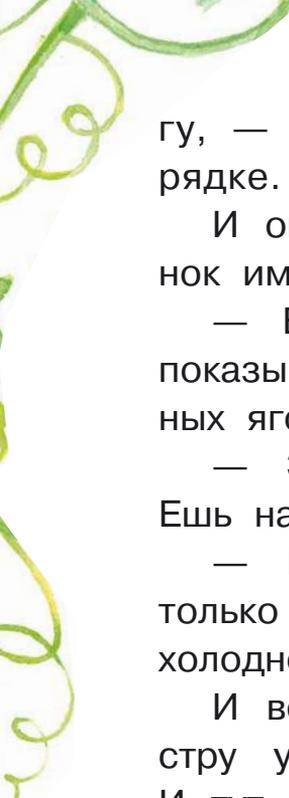
Медвежонок не знал, что такое зима, но ел, ел.

А потом Бурик начал гоняться за разноцветными листьями. Ловить их было не трудно, но они были невкусные. Не то что орехи, и яблоки, и груши. Бурик с удовольствием залезал на дикую яблоню и качался на ветках, а яблоки тоже качались и падали. Иногда и медвежонок падал вместе с ними, но ничего страшного тут не было.

Потом солнце куда-то делось, полили дожди, а ночи стали длинные и холодные. Бурику это совсем не понравилось. Он бегал и ворчал. Мама и сестра успокаивали его.

— Надо только найти хорошую берло-

гу, — говорили они, — и всё будет в порядке.

И они искали, искали берлогу. Медвежонок им помогал.

— Вот это берлога? — спрашивал он, показывая на зелёный холмик весь в красных ягодах.

— Это брусника! — отвечали ему. — Ешь на здоровье!

— Не знаю, что такое ваша берлога, только поскорее находите её, а то очень холодно, — ворчал Бурик.

И вот однажды мама, оставив его и сестру у речки, ушла одна искать берлогу. И тут медвежонок увидел, что совсем у него перед носом, перед ртом и глазами летают белые мухи. Бурик очень обрадовался и начал их ловить. Поймает, посмотрит — нет мухи, висит на шерсти росинка. Он попробовал ловить их языком и обрадовался: они просто таяли во рту. Но скоро белых мух нападало столько, что съесть их всех не было никакой возможности. И медвежонок

заскучал. Тогда он захотел — вжж! — скатиться и — плюх! — в речку.

— В этом году очень ранние морозы, — уговаривала Бурика сестра. — Речка уже замёрзла, и в ней нельзя купаться.

— Ну и пусть! — сказал Бурик, побежал на горку, вжж! — поехал. И... бум! — с размаху сел на твёрдую воду. Хорошо, что шуба у Бурика стала

ещё лохматее и пушистее, а то бы он здорово ушибся. И медвежонок обиделся на реку.

Тут его позвали сверху. Мама нашла берлогу! Очень обрадовался Бурик и со всех лап бросился за сестрой.

Глубоко в лес увела их Бурая медведица. Всё чаще и чаще попадались им упавшие деревья, огромные, корявые. На месте вырванных корней были

ямы. Наверное, для того, чтобы в них проваливались медвежата. Бурик даже перестал ворчать и хныкать — так он устал.

И тогда Бурая медведица остановилась перед большой чёрной ямой возле упавшего дерева.

— Берлога! — торжественно сказала она. — Пожалуйста!

И они уснули в яме. А весной вылезли все из берлоги, живые, здоровые.

Туча тихонько плыла по небу и думала: то ли сейчас выпасть ей дождём, то ли подождать немного. Она опустилась ниже и поплыла над лесом, задевая верхушки сосен и оставляя на лапах елей клочья серого тумана.

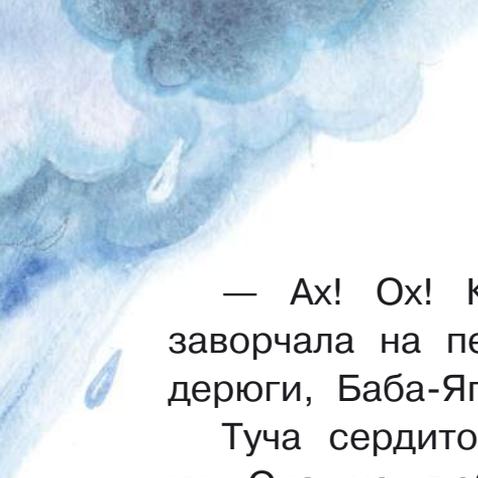
— Обмою сейчас все веточки! Напою корешочки! — бормотала туча, посматривая на лес.

Сосны всё тянули и тянули к ней ветви, ели лапами цеплялись за её серый мокрый плащ. Тоненькие кусты спрятались под деревьями. Им очень хочется пить. Но они помнят, как страшны струи дождя, когда хлещут по листьям.

Толстая ежиха тревожно посмотрела вверх и заспешила к дому. За ней торопились, спотыкаясь и вспахивая носиками землю, ежата.

— Ах! Ох! Кхе-кхе, гм! Ух! — застонала, заворчала на печи, подминая под себя мятые дерюги, Баба-Яга.

Туча сердито заворчала и поднялась кверху. Она не любила злую, ехидную Бабу-Ягу. Подумала, как выходит Баба-Яга из своей избушки, как ёжится, подпрыгивает, похлопывает себя по бокам, ехидно поглядывает вверх, плюнула туча, ухватилась за плащ пролетавшего мимо ветра, и понёс её добрый ветер над лесом, над болотом, над рекой, над деревней.

— Спасибо, тебе, братец ветер! А теперь отпусти! — попросила туча. — Поиграл, и хватит! Хорошего понемножку.

Осторожно опустил её весёлый ветер над зелёным лугом, над широким полем.

— Хотите пить? — спросила туча у травинок, у цветов, у тоненьких зелёных колосков.

— Хотим! Хотим! Очень хотим! Давно! — быстро зашелестели травинки, цветы, колоски.

Но говорили они тихо. Не услышала их ответ туча, обиделась, стала подниматься. «Не хотите — не надо! Полечу на болото, там хоть лягушки мне обрадуются!» — думала она, поднимаясь и ворча.

Хорошо, что услышали тучу ребята: два Саши, Санька, Шурка и маленькая Галечка. Они искали на лугу первую землянику.

— Куда ты, туча? — закричали ребята. — А цветы? А травинки? А колоски? Они же пить хотят!

Пролилась туча дождём и на поле, и на луг, и на ребят. А они только прыгали под дождём и пели:

— Дождик, дождик, пуще! Дождик, дождик, пуще!

Кончился ливень, и встала рядом с тучей радуга. Ветер носится под радугой, катается с неё, как с горки.

— Ты уж слетай к моей сестре. Пусть она полетает над тем лесом, где живёт Баба-Яга, пусть польёт и его! — попросила туча.

— Спасибо тебе, туча! — запрыгала маленькая Галечка, поглядела на небо, а тучи как не бывало, то ли улетела куда-то, то ли растаяла.

Жил-был небольшой зелёный лягушонок. Когда он был головастиком, он решил: вырасту и удеру из этой реки. Тут слишком много лягушек, все квакают — ничего не разберёшь. Вырос и убежал.

Нашёл большую лужу, залез и радуется. Хорошая лужа: в солнечный день голубая, в пасмурный — серая. Прыгнешь — брызги летят.

— Моя лужа! Ну и лужа! — радуется лягушонок.

— Пошли все туда переселяться! — посмеиваются взрослые лягушки. — А ты, лягушонок, прыгай, прыгай! Допрыгаешься!

Обиделся лягушонок, подговорил головастиков, и какой из головастиков в лягушонка превратится — скок в лужу! Совсем река без лягушат осталась. Все в луже барахтаются. Дразнятся:

Бре-ке-ке! Бре-ке-ке!

В луже лучше, чем в реке!

А лужа возьми и высохни. Хорошо, что большие лягушки пустили лягушат к себе в речку:

— Живите, радуйтесь! Комаров и мошек тут ловить — не переловить.

ХРЮШКА И ЧУШКА

На одной улице жили два поросёнка — Чушка и Хрюшка. Ножки у них одинаковые, ушки одинаковые, всё похоже — и рост, и хвост. Как же их всё-таки различают? А вот как.

Выйдет Хрюшка на улицу, встретит козлёнка и обрадуется:

— Я — весёлый поросёнок! Хрю-хрю-хрю!
А ты — беленький козлёнок! Давай играть!

Играли, играли, увидели телёнка:

— Я — весёлый поросёнок! Хрю-хрю-хрю!

— А я — беленький козлёнок! Бе-бе-бе!

— А ты — жёлтенький телёнок! Давай играть!

Играли, играли, увидели жеребёнка:

— Я — весёлый поросёнок! Хрю-хрю-хрю!

— А я — беленький козлёнок! Бе-бе-бе!

— А я — жёлтенький телёнок! Му-му-му!

— А ты — быстрый жеребёнок! Давай играть!

— Иго-го! — обрадовался жеребёнок, и стали они все вместе весело играть.

А когда на улицу выходит Чушка, бывает всё по-другому. Увидит он козлёнка и давай дразниться:

— Я — чух-чух-чудесный поросёнок! А ты — чух-чух-чумазенький козлёнок!

Козлёнок обиделся и убежал. А Чушка увидел телёнка:

— Я — чух-чух-чудесный поросёнок! Ты — за-чух-чух-чуханный телёнок!

Телёнок рассердился, чуть не забодал Чушку. Чушка убежал и встретил жеребёнка:

— Я — чух-чух-чудесный поросёнок! А ты — чух-чух-чух...

Не дослушал его жеребёнок и как лягнёт копытом! Убежал Чушка, встретил Хрюшку:

— Я чух-чух-чудо как хорош, а ты на чух-чух-чучело похож! Почему ж все с тобой играют, а со мной никто?

А в самом деле, ребята, почему?

Коза бегала по траве, провалилась в яму, кричит:

— Ме-е! Наверх хочу, на солнышко, на травку! Солнышко тёплое, травку есть можно!

Никак из ямы не выскочит. Разбежаться бы, да в яме не разбежишься. Подставить что-нибудь, так не подставишь.

Идёт волк:

— Коза, а коза, что ты там делаешь?

Коза сквозь слёзы и говорит:

— Сижую жду в гости куму. Придёт, вместе посидим, давно не виделись.

«Ну, — думает волк, — одна коза хорошо, а две лучше. Пойду погуляю. Приду попозже за двумя».

Ушёл.

Идёт медведь, голодный, злой:

— Никак, коза?.. Что делаешь?

— Сижу жду куму да сестру. Придут, вместе посидим, поговорим, давно не виделись.

«Одна коза хорошо, две хорошо, три ещё лучше, — думает медведь. — Подожду да приду».

Ушёл.

Сидит коза, плачет:

— Кума! Сестра! Где же вы?

Волк услышал, прибежал, прыг в яму:

— Кума пришла!

Услышал медведь, прыг в яму:

— Сестра пришла!

Да прямо на волка! Волк завыл, укусил медведя. Медведь заревел, вцепился в волка. А коза, пока они дрались, прыг на волка, скок на медведя, вылезла из ямы и убежала.

В старой деревне, говорят, жили домовые: мало кто их видел (домовым нельзя человеку показываться), но все про них слышали. В домах — домовые, в сараях — сараяшники, в баньках — банники, в конюшнях — конюшенники.

А собачья конура чем не дом? Но про конурников, собачьих домовых, до сих пор что-то не было слышно. Пора бы рассказать о них хоть немного.

Конюшенники при лошадях живут, а конурники при собаках. И собою на собак похожи. С ног до головы лохматые, каждый своей масти, только хвоста нет. Хвост у конурника не отрос пока.

Разговаривать с конурником — одно наказание, через слово на собачий лай пере- скакивает. Я, мол, гав-гав, рад тебя видеть, тьяв-тяв! Здравствуй во веки веков, тяф-тяф-тяф! Заходи почаще, не забывай друзей, гав-гав! То полает, то поскулит, ежели есть о чём. И характер собачий. Ежели собака добра, конурник добрее доброго. А ежели зла, лучше не связывайся, иди домой!

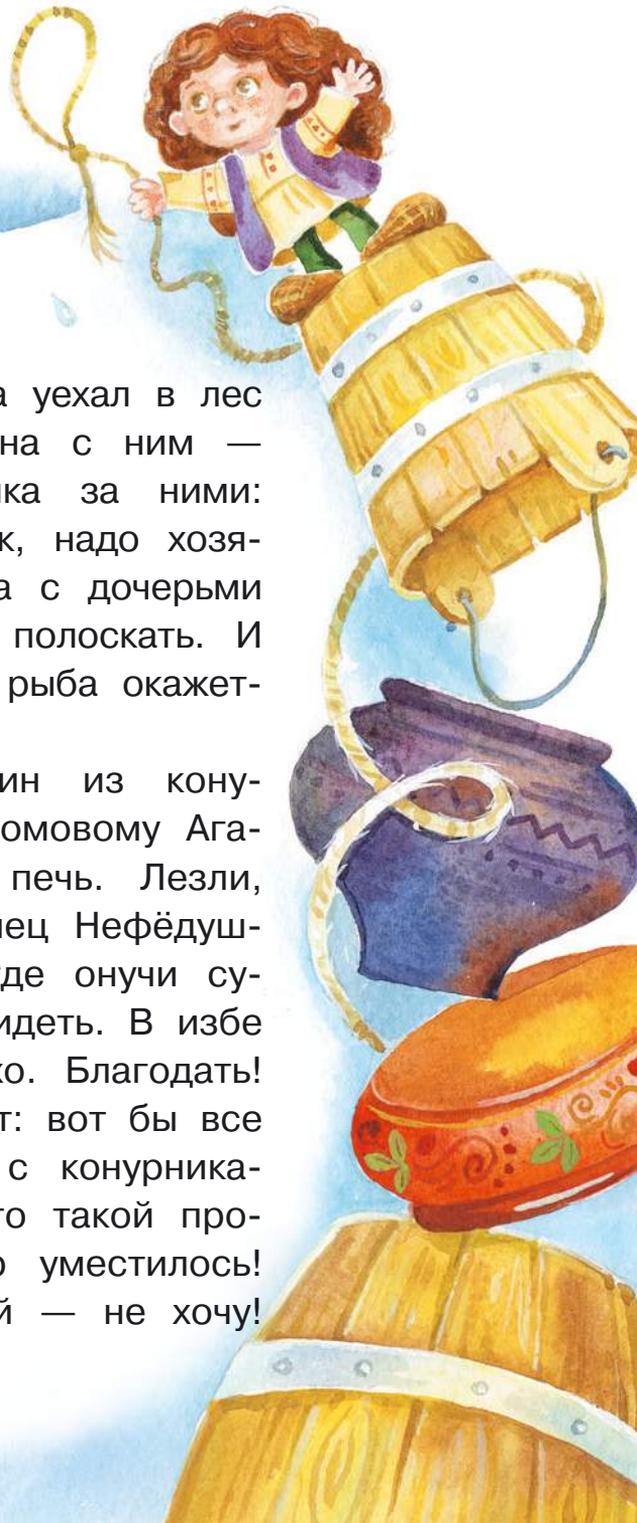
Да ещё угощать любят! Вот, мол, косточка, приходи! Собаки-то не очень угощать любят. Редко которая поделится.

А конурник, даже сердитый, сам не съест, всё с другими поделится, кто навестит.

Жил-был в конуре конурник Нефёд Жучкин. Жил-поживал, горя не знал, с собакой ложился, с солнцем вставал. Волосы у него были чёрные, глаза добрые, нос курносый, лапти один другого больше. Он всегда терял большой лапоть, когда бегал. Потеряет лапоть, вернётся, наденет, привяжет верёвкой и опять бежит. Пока верёвочка цела, лапоть не соскакивает. Переменить лапоть Нефёдушка не хотел. Какой есть, такой и ладно.

Однажды отец с утра уехал в лес за дровами, и оба сына с ним — отцу помогать. И Жучка за ними: вдруг медведь или волк, надо хозяев защищать. А хозяйка с дочерьми пошли на речку бельё полоскать. И кот с ним: вдруг какая рыба окажется на берегу.

Вылез Нефёд Жучкин из конуры, пошёл в гости к домовому Агафонушке. Полезли на печь. Лезли, лезли — высоко. Наконец Нефёдушка уселся в печурку, где онучи сушат и где кот любит сидеть. В избе и тепло, и тихо, и сухо. Благодать! Сидит конурник, мечтает: вот бы все конуры с собаками и с конурниками да в избу! И на что такой простор? Сколько б конур уместилось! Всем будет весело: лай — не хочу!

И хвостами вилять место останется. Жили бы, радовались друг другу.

Сидит, машет руками-ногами, да от волнения забыл, где сидит, и полетел с печки прямо в лохань с водой и грязным бельём. Плавает в лохани по-собачьи. А что дальше? Так и плавать до конца жизни? А вдруг хозяева придут? И спрятаться не успеет? Ах, батюшки! Ах, ма-тушки! Что делать?

А домовой бегаёт у лавки с лоханью. Как конурника из лоханки достать? Лохань на скамье, скамья высокая, ножки у неё гладкие, скользкие. Бегал-бегал домовой, плавал-плавал конурник, что толку? Делать что-то надо. Время идёт!

Догадался домовой. Приволок миску к скамье, перевернул, перелез с миски на чугунок — опять низко! Порожнее ведро — в самый раз! С миски на чугунок, с чугунка на ведро, с ведра на скамью.

Беда! До края лоханки не достать! Тут ведро с миской и чугуном загремели, упали. Ой, что делать, что делать, что делать?

Стучат, бренчат у ворот. Хозяин Иван Сысоич едет, воз дров везёт. Хозяйка во двор идёт, корзину белья несёт, вешает сушить во дворе.

Спрыгнул домовой Агафонушка с высоты. Топор — из-под лавки. Тяп-тяп! — нет у скамьи одной ножки. Вжжик — лохань вниз поехала, как по горке. Бух-бултых! — вода выплеснулась, и конурник Нефёд Жучкин вместе с ней.

Тут дверь настезь. Входят хозяин с хозяйкой, дети и кот. И Жучка в дверь заглядывает. Увидела конурника в луже, хватить за подол — и в конуру: сушить, обогреть, слушать про его горести.

— Ой, батюшки! — ахает хозяйка. Скамья сломалась, лохань на полу!

Стала скорее пол вытирать, обед на стол ставить. А хозяин виновато сказал:

— Давно вижу, нога у скамейки шатается, да всё не собрался починить. А вот и топор!

Конурник Нефёдушка пошёл в гости к конурнику Нафане Полканову. Шёл, шёл и заблудился.

— Чего плачешь? — спрашивают осы, мухи и комары.

Жуки и козявки не спрашивают, думают, что на них дождик капает. И пчёлы не спрашивают. Им не до чужих забот, своих хватает.

Сидит Нефёдушка под лопухом. Одуванчики

над головой качаются, и все одинаковые. Куда идти — непонятно. Паук качается. Отпихнул его конурник лапкой.

Маленький конурник уже большую лужу наплакал. Видит своё грустное отражение, ещё больше расстраивается.

А тут настоящий дождь как польёт! Всего Нефёдушку с ног до головы вымочил. Лапти хлюпают, рубаху хоть отжимай. Вместо маленькой лужи, где он отражался, много больших, и в каждой утонешь. Он даже заскулил с горя. Продрог, озяб.

И вдруг знакомая курица сломя голову пробежала неподалёку. Конурник — за ней. А курица ещё шибче назад мчится. Цыплят под дождём растеряла, что ли? И не отвечает!

И всё равно стало как-то спокойнее. Хорошо встретить знакомую курицу. Значит, ты не на краю света.

Ночью конурник Нафаня проснулся от дикого воя. Он решил с перепугу, что воет неведомый зверь Индрик, который всегда живёт под землёй, и знают о нём только, что он очень большой, с полдеревни величиной.

Выглянул Нафаня из конуры — посмотреть, каков из себя неведомый Индрик. А это и не Индрик вовсе, а хозяйская кошка. Закатила гла-

за и орёт-надрывается так, что свету белого не видно, одна ночь кругом.

Ждёт-ждёт Нафаня, когда же противная кошка умолкнет, когда перестанет выть своим противнейшим голосом. Ни петухов не слышно, ничего. День не наступает, не приходит никак. Да оно и ясно: кому захочется приходить, когда такие дикие вопли.

Конурник испугался: вдруг совсем не придёт утро? Что делать? Люди не будут готовить обед и выносить собакам вкусные косточки. И мало ли ещё какие неприятности будут, ежели солнышко не захочет приходить?

Нафаня подёргал за хвост своего любимого Полкана. Пусть проснётся, прогонит кошку. Полкан проснуться проснулся, но лаять не стал. Хозяевам, мол, от его лая покоя не прибавится. Конурник не рассердился. Он так любил Полкана, что сердиться никак не мог. Наконец терпение у него уже совсем кончилось.

— А вот я её! Вот я ей! Вот она у меня полетит вверх тормашками!

И маленький бедный конурник вылез из тёплой конуры. По мокрой росе дошагал до забора, закричал:

— Перестань сей же час!

Кошка и ухом не повела, и рта не закрыла, а из открытого рта только: «Оууу! У-у-у! О!»

Конурник прыгал вниз, прыгал:

— Замолчи! Перестань! Умолкни!

Тут Полкан потихонечку оттащил его — не поленился выйти из конуры:

— Поорёт и перестанет. Хозяева-люди её не прогоняют. Значит, так надо. А то она орёт, я лаю — вообще людям покоя нет. Кошка-то хитрая, убежит, а нас с тобой ругать будут.

— Хоть разочек гавкни! — просит конурник.

— Разок не поможет, — отвечает Полкан. — Что я, не знаю? Тут так обляять надо, чтобы весь свет проснулся!

У Нефёда Жучкина во дворе всё было спокойно. И всё равно конурник не выспался. Всю ночь во сне ловил кота и никак не мог поймать. Проснулся — Мурзик сидит на заборе, разглядывает конуру, Жучку, его, Нефёда, и смеётся. Хоть бы вслух смеялся, открыто. А то ехидно, про себя хихикает. Совсем расстроился конур-

ник. Никуда от этих кошек не денешься. Никакого покоя не дают. Во сне и то от них покоя нет!

Так вот и жили конурники. Люди их не видели, а собаки и кошки ничего не расскажут. Потому-то мы так мало знаем про конурников, собачьих домовых.

— А не придёшь ли ко мне отведасть пшённой каши? — спросила домовушка Анята, встретив в подворотне свою подружку Силантьевну.

— Приду, приду! Как не прийти, коли зовут, — отозвалась Силантьевна. — Когда приходиться-то?

— Да вот мои хозяева на гумно молотить, а ты ко мне. Кошку за тобой пришлю.

Сами домовые с кошками не очень ладили, а их жёны домовушки без кошки дня не проживут.

Домовушка Анята и кошка Аксютка жили в каморочке за печкой. Для людей — каморочка, для Аксютки с Аняткой боярские палаты: кто такие бояре, ни Аксютка, ни Анятка толком не знали, хотя слышали про них и сказки и были, ведь жили они на Руси в одно время. Но боярский двор был от их деревни в ста верстах.

Рано поутру кошка Аксютка сбегала за Силантьевной: ступай, мол, в гости. Пора! Дома только мы с Анюткой.

Силантьевне собраться бы да пойти. А что собираться? Платок она не носит (его только люди носят), сарафан да лапти всегда на ней, искать не надо. Шушун есть из старой меховой шапки, которую дед потерял. Долго искали, да так и не нашли. А это Силантьевна её для себя приспособила.

Долго ли добежать до соседнего дома. Можно и без шушуна. Озябнет, так у Анютки согреется. Гостинца только нет. А домовушки не любят, когда к ним идут без гостинца. Рассердится ещё. Прогнать не прогонит, но всё лучше с гостинцем.

И чего раньше не припасла? Знала ведь, что в гости идти. Ах ты, батюшки! Утром Фёкла Ивановна, хозяйка избы, пекла блины, можно было утащить блин, а сейчас все блины съедены. Силантьевна сама съела полблина, да ещё кусок. Да ещё блин Федотка, сын Фёклы Ивановны, уронил под лавку щенку Полкашеньке. А щенок спал сладким сном в старом валенке

под другим концом лавки, и все сладкие кусочки Силантьевне достались. Ну, что же, сразу есть и спать никак нельзя — Силантьевна уже пробовала.

Как же быть с гостинцем? Под лавкой, где обычно жила Силантьевна, никаких гостинцев не было. Вылезти и поискать что в избе — нельзя: по избе люди ходят. Хорошо ещё, Полкан спит, не возится, не играет с Силантьевной. И что повадился под лавку! Покоя Силантьевне нет. Ну ладно, подрастёт, поселится в своей конуре, в избу редко будет заходить. А куда как этакого малыша на волю? Осень наступает, ночи дождливые, длинные, холодные.

Дверь широко распахнулась. Снова в избу заглянула Аксютка. Мяукнула, улыбнулась, в гости зовёт. А гостинцы? Никак не выбратся Силантьевне, люди увидят домовушку, испугаются.

Тут Аксютка забегает в избу.

— Ах ты негодная! — заругалась хозяйка, — Что тебе? Своей избы мало?

Но Аксютка знает, что делает. Она давно избы знает не хуже своей. Толстый ленивый кот Васька только притворяется, что ловит мышей. Все его любят за пушистую мордочку, мягкую шёрстку, все гладят и холят. А мышей прибегает ловить ловкая Аксютка. Вот и сейчас бежит с мышью в зубах, показывает людям. А люди ахают, говорят: ну что же это Васька пропустил? Аксютка важно шагает к открытой двери, идёт к порогу с мышью. Самое время бежать, а то не выскочишь.

Силантьевна незаметно перелезает из-под лавки к порогу.

Что же подарить? Никак нельзя без гостинцев, никак.

Дождь идёт. Силантьевна шлёпает лаптями по грязи. Чахлая осенняя трава, сухие листья не годятся в подарок.

Вот дырка в заборе, а вот и Анюткин двор. Нельзя без гостинца, нельзя. Анютка дружить не будет. Аксютка уже давно сидит по ту сторону забора, сердито поглядывает на домовушку: что же, мол, ты, и сама не идёшь, и других задерживаешь. Вот кошка уже на крыльце, на сухих ступеньках. Вот дверь отворяется, Анютка сейчас выйдет гостью встретить. И вдруг совсем рядом с Силантьевной что-то тяжело плюхается с неба, грязь обрызгала сарафан. Оглянулась, а это лежит огромная жёлтая груша. Последняя груша, которая давно висела на дереве, одна-одинёшенька, никто достать не мог: ни люди, ни ветер, а тут пришла пора сама упала.

Ну и груша! Чуть меньше самой Силантьевны. Лежит себе полёживает, ждёт, когда поднимут. Долго ждать ей не пришлось.

С грушей в обнимку и пришла Силантьевна к Анютке. Та рада-радёшенька. Ещё бы! Этакий гостинец никогда никому не доставался. Ну и гостинец! Что за гостинец! Век помнить будут.

Анютка с Силантьевной ели, ели сколько хотели,
и всем чадам и домочадцам досталось, и сосе-
дям попробовать, и на зиму кусочек засушили.
Вот так гостинец!

Домовёнок Вуколочка сидел на своём излюбленном месте, на подоконнике небольшого окошка, и смотрел, как идёт дождь.

Этот подоконник был удобен для Вуколочки, во-первых, потому, что он достаточно широк и домовёнок мог очень уютно на нём разместиться, а во-вторых, потому, что в окошко было прекрасно видно, и какая погода на дворе, и какие события происходят снаружи. В-третьих, на нём было очень хорошо что-нибудь придумывать и мечтать. Так, например, поздно вечером, когда загоняли овец, можно было подумать, что в хлев бежит какое-то длинное лохматое чудовище, ног у него видимо-невидимо, голова неизвестно где, странное, таинственное чудовище.

А в-четвёртых, домовёнок любил свой подоконник потому, что рядом, на полке и на скамьях, вот уже много лет и зим ждали чего-то и покрывались пылью угольный утюг, керосиновая лампа и медные весы. Все они радовались приходу домовёнка. Ведь, кроме него, их навещали только мыши, пауки и мухи. Вуколочка всегда рассказывал им, что происходит на белом свете. Ведь, кроме темноватого коридора, они, бедные, давным-давно ничего не видели. А если рассказывать было нечего, Вуколочка тихонько пел им песни. Ведь он больше всего на свете любил петь песни, или плясать, или загадывать загадки, или играть во что-нибудь.

Но сейчас он сидел и смотрел, как идёт дождь. Рассказывать было не о чем. Стал он петь песни, оказалось, помнит только грустные, все остальные песни позабыл. «Крыша плачет, деревья плачут, небо плачет, эдак, и самому заплакать недолго», — подумал домовёнок и решил идти в гости.

К дальним соседям в такую погоду не добраться, пошёл к ближним. Ближними соседями домовёнка были Севрюк и Пахмура. К кому пойти? Севрюк любит громко ругаться, Пахмура больше молчит, а ежели ругается, то ворчит себе под нос. Вуколочка совсем не лю-

бил ругаться: не нравится тебе что-нибудь или кто-нибудь, возьми и уйди, и всё тут.

Вуколочка выбрал Пахмуру — и правильно сделал: Севрюк был в гостях у соседа. Оба сидели на лавке и ругали дождь.

В руках у каждого — по чёрному чугунок. Вуколочка вежливо поздоровался. Севрюк с Пахмурой не ответили. Но Вуколочка не стал огорчаться. Кто-кто, а он знал, что у его ближних соседей не в обычае здороваться, прощаться, благодарить, смеяться, улыбаться.

Вуколочка подошёл к ним и заглянул в чёрные чугуны. Чугунок у Пахмуры был полон каши, а у Севрюка до краёв налит молоком. У каждого была в руке ложка.

Было самое время обеда: куры что-то клевали под навесом, корова жевала свою жвачку, собака глодала кость, кот пил молоко.

— Что ж вы не обедаете? — удивился Вуколочка.

— Сухо! — сказал Пахмура и ткнул ложкой в свой чугунок.

— Мокро! — сказал Севрюк и поболтал ложкой в молоке.

Тут Вуколочка догадался: на обед Пахмуре сегодня досталась каша, а у Севрюка оказался чугунок с молоком.

Вуколочка даже смеяться не стал, пожалел соседей. Отыскал ещё чугунок, побольше, высыпал туда Пахмуриную кашу, залил молоком из Севрюкова чугунка и разделил поровну — Севрюку и Пахмуре.

— И как я не догадался? — проворчал Пахмура. — Остолоп эдакий! И для чего у меня голова?

— И что я за пень! — фыркнул Севрюк. — Простых вещей не соображу!

Тут оба посмотрели на Вуколочку, потом на пустой чугунок, одновременно стукнули себя ложками и начали ложка за ложкой перекладывать в чугунок мягкую душистую кашу из своих чугунков. Когда каши во всех трёх чугунах стало поровну, Севрюк принёс чугунок Вуколочке, а Пахмура сказал:

— Ешь!

Соседи у Вуколочки, в общем-то, справедливы народ. Но слишком часто сердились на весь свет, когда можно было сердиться только на самих себя.

Сказки
Мудрого
Профессора

Мудрый профессор пил чай и нечаянно поставил чашку мимо блюдца и мимо стола. Чашка разбилась так громко, что профессор не стал её искать на столе среди тарелок, рукописей, бутербродов и карандашей, а сразу встал на четвереньки, чтобы собрать с пола осколки, и первым делом порезал себе мизинец на правой руке.

Мудрый профессор посмотрел на капельки крови, достал из аптечки йод и большой хороший бинт, разулся и хорошенько завязал себе мизинец на левой ноге — он был очень рассеянным, этот Мудрый профессор.

Тут он вспомнил, что обещал зайти к друзьям посмотреть щеночков. Друзья жили ниже этажом, у них были две прекрасные собаки, а теперь ещё и пять щеночков.

«Щеночки подрастут, — думал Мудрый профессор, — и я не узнаю, какие они были маленькие».

Он пробрался к двери, стараясь не наступить на осколки, и спустился этажом ниже.

Щеночки были чудесные, один другого лучше. Они ползали по низенькому загончику, валялись кверху лапками, натыкались друг на друга. Один щеночек подумал, что завязанная нога Мудрого профессора тоже собачка, тем более что бинт развязался и висел, как длинный белый хвостик, и стал играть с ногой Мудрого профессора.

— Вас не тревожит? — спросила Мудрого профессора хозяйка. — Что у вас с ногой? Ничего страшного? Кстати, давайте я перевяжу вам мизинец.

Мудрый профессор поблагодарил, попрощался, вышел на лестничную площадку и поскорее снял бинт с ноги.

«Как же я так? Разве можно так ошибаться? Ай-яй-яй!» — подумал он, остановившись у своей двери, и позвонил.

Никто не ответил.

«Странно!» — подумал Мудрый профессор. — В квартире кто-то был, это я точно помню».

Он позвонил ещё и вспомнил, что час назад в квартире был он сам. Он мог бы открыть дверь ключом, но ключ остался с той стороны двери. И поделаться с этим было нечего.

У Мудрого профессора была замечательная жена, но она тоже была профессором и давно ушла на работу. А ещё у него были прекрасные дети и чудесные внуки, которые жили в том же доме, только на первом этаже.

Профессор понюхал часы, сам удивился, зачем он это сделал, догадался, что хотел посмотреть, который час, посмотрел и пошёл вниз по лестнице — к своим внукам. На втором этаже он хлопнул себя по лбу — ведь есть лифт! — вызвал лифт и поехал к себе на двенадцатый этаж. Опять долго звонил и ждал у своей двери. Потом спустился на первый этаж и до прихода жены играл с маленькими внуками.

За это время он изобрёл бесшумный автомобиль и несколько видов машин, которые прекрасно работают на солнечной энергии.

Он изобретал сказочные вещи, а сказок совсем не помнил. Хотя внуки Мудрого профессора то и дело требовали от него рассказывать сказки. «Какой ужас! — думал Мудрый профессор. — Решительно ни одной сказки не могу припомнить. Даже тех, которые сам же рассказывал вчера. Придётся опять сочинять что-нибудь этакое».

Зато внуки прекрасно помнили почти все сказки, которые им сочинил Мудрый профессор то зимним вечером, то летом во время прогулки по лугам и лесным лужайкам. Иногда они рассказывали их своему дедушке. «Постойте, — говорил Мудрый профессор. — Я их где-то слышал, но не могу припомнить где. На симпозиу-

ме? Нет, пожалуй, на коллоквиуме. Словом, на каком-то заседании или совещании. А скорее всего, в кулуарах».

Вот эти сказки.

НЕСКУШАННЫЙ САД

У девочки Машеньки был кот Мурзик. По вечерам она рассказывала ему сказки. Кот лежал в кукольной кроватке и мурлыкал. Потом он убегал куда-то, а Маша засыпала. Но однажды он сказал:

— Мяу! Бежим со мной!

Ура! Мурзик научился говорить. Слушал, слушал сказки и научился! И Маша смело побежала за ним по деревьям, по крышам, по заборам, а потом вместе с другими котами — по траве.

Вдруг впереди что-то засверкало, заиграла музыка.

— Нескушанный сад! — Мурзик показал на высоченные ворота.

На них лезли коты и кубарем валились обратно. А внизу — писк, визг, шерсть клочьями.

— Там дыра, — сказал Мурзик. — В неё пролезает только один кот. Вот все и дерутся, чтобы пролезть первыми.

— Встать друг за другом, — сказала Маша, — раз-раз, и все уже в саду.

— Нет, — ответил Мурзик, — мы, коты, так не можем.

— Бедненькие, глупенькие! — пожалела их девочка.

И ворота открылись. Коты — в сад. И лишь самые отчаянные всё ещё дрались за узкую лазейку.

Чего-чего не было в этом чудесном саду! Сверкали маленькие радуги. Цвели и звенели колокольчики. На деревьях среди разноцветных листьев качались то ватрушки, то сосиски, то пёстрые клубки. На одном дереве вместо листьев были ленточки, а вместо цветов — бантики. Тут и там били молочные фонтанчики. Но вот беда! Фонтанчики пересыхали, а ветки с клубками и сосисками отскакивали от котов под самое небо.

— Моя сосиска! Моя-а-у! — вопили коты, прыгая и падая вниз.

— Никто тут ничего не скушает, — вздохнул Мурзик.

— Бедненькие, голодненькие! — сказала Маша и преспокойно сорвала для Мурзика сосиску.

Что тут началось!

— Не деритесь, пожалуйста! — просила Маша. — Всем хватит.

Всех она накормила, напоила, дала по клубку, и даже толстые коты весело пустились их разматывать.

— Моя хозяйка! — хвастался Мурзик. — Моя-а-у!

Но вот Маша увидела землянику и захотела её съесть. А ягоды — раз! — и пропали. «Значит, — решила она, — всё тут для котов, а не для людей. Но зачем им ягоды или те зонтики на дереве? Вот бы маме такой зонтик!» И зонтик упал ей прямо в руки. «А бабушке — вот такой голубой клубок!» И тут голубой клубок оторвался и, как спелое яблоко, упал к ногам девочки.

— Мурзик! Что я знаю! — обрадовалась Маша. — Тут в саду всё можно взять не для себя, а для других. Нужно только захотеть, чтобы всё было у всех!

— У всех? Для других? — удивился Мурзик. — Мы, коты, так не можем. Нам бы хватать и цапать только для себя.

— Сорви мне, пожалуйста, вон ту ватрушку! — попросила девочка.

— Для тебя попробую, — ответил Мурзик. — Нет, попытаюсь. То есть попробую попытаться. Вернее, попытаюсь попробовать.

Он придался к земле, прыгнул и с криком «Моя! Моя-а-у!» рухнул вниз.

И тут сразу умолкла музыка, погасли радуги, хлынул ливень, все кинулись из сада. Вдруг зонтик в руках у Маши сам раскрылся и засветился, чтоб видно было, куда идти. А клубок был до того тёплый — грел Маше руки.

— Знаешь что! — сказал Мурзик, когда ворота захлопнулись за ними. — Ты позаботилась обо всех, а о тебе никто. Вот сад и рассердился!

— Ты так думаешь? — спросила девочка.
И проснулась.

Мурзик сидел у кровати и умывался.

— Мурзик, на самом деле ты сорвал бы для
меня ту ватрушку?

«Мур! — весело ответил Мурзик. — Мяу!»

Жил-был Гиппопоташка, милый-премилый.

Однажды он бежал по зелёному лугу у себя в Африке, по своей любимой тропинке, и следом за ним бежала его тень. Гиппопоташка очень любил бегать, прыгать и петь на этой тропинке. Один конец её упирался в зелёные джунгли, а другой — в синюю реку. И то и другое — и джунгли, и река — были прекрасны.

Остановился Гиппопоташка у реки. Посмотрел направо одним глазом, а там его тень на песке так прекрасно нарисована. Посмотрел в воду, а там его весёлая мордочка вырисовывается и солнце над ней. И Гиппопоташке тоже захотелось рисовать. Что такое «рисовать», он не знал. Просто ему очень захотелось рисовать. Захотелось — и всё!

Он стал искать себе карандаш.

Что такое «карандаш», он, конечно, не знал. Совсем не знал. Нашёл большую ровную палку, решил, что это карандаш, и очень обрадовался. И он пошёл по траве.

В цветах он нашёл полянку. Синий ручей тёк посередине, а вокруг был жёлтый песок.

— Очень хороший альбом, — подумал Гиппопоташка, медленно обходя жёлтую поляну. — Очень хороший!

Что такое «альбом», он, конечно, тоже не знал, но почему-то догадался, что страницы альбома должны быть гладкими. И он ходил и трамбовал, ходил и утрамбовывал своими толстыми лапами жёлтый песок. И песок стал тугой и гладкий.

И Гиппопоташка стал рисовать. Он нарисовал дом, и цветочек рядом, и дерево, и солнце. Он рисовал и пел. И так получилось красиво, что Гиппопоташка очень захотел показать кому-нибудь рисунок и позвал своего лучшего друга Ихтиозаврёнка.

Ихтиозаврёнок смотрел, а Гиппопоташка молча стоял рядом.

— Вот это да! — сказал поражённый Ихтиозаврёнок.

— Тебе понравилось? — спросил Гиппопоташка.

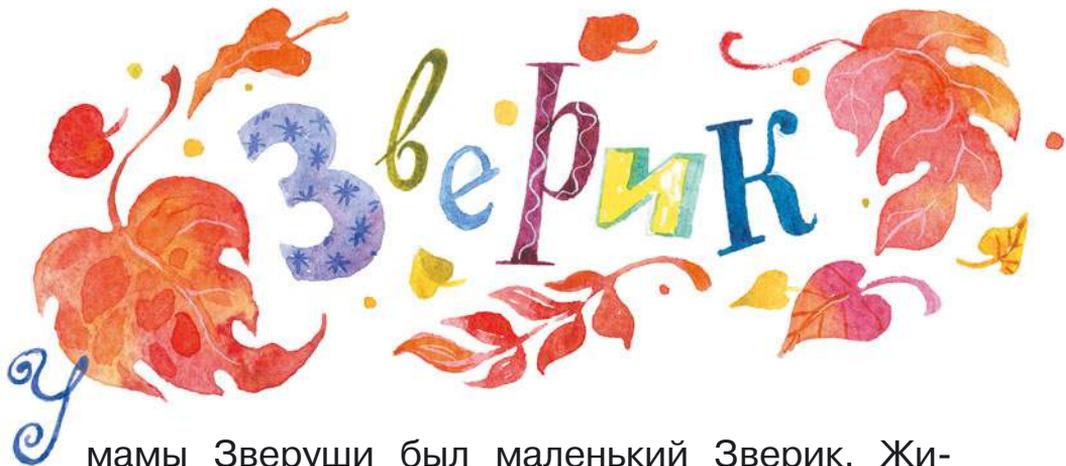
— Очень! — в восторге ответил Ихтиозаврёнок.

— Это я нарисовал, — скромно объяснил Гиппопоташка и стал смотреть в сторону.

И вот уже бабочки, стрекозы и летучие ящеры закружились над жёлтым альбомом. Они разглядывали рисунок, а Ихтиозаврёнок с восхищением смотрел на своего друга.

Друзья играли в лесу и на реке, а потом приходили взглянуть на рисунок. Он всегда оставался таким же и на том же самом месте, а не убегал и не пропадал, как тень или отражение. И всегда рядом с ним стояли какие-нибудь звери, и смотрели на рисунок, и обсуждали, и радовались.

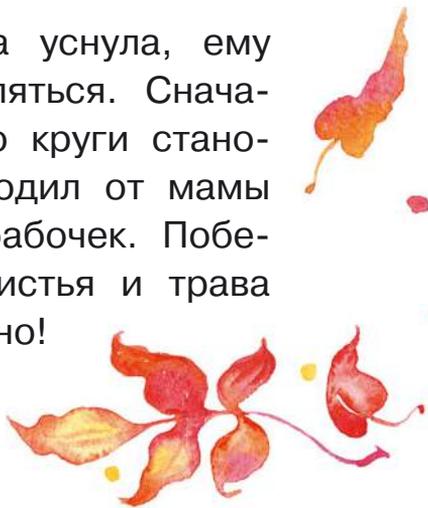

мамы Зверуши был маленький Зверик. Жили они за далёкими оврагами, за буграми и лесами. Мама Зверуша была большая, добрая, лохматая, шерсть у неё была зелёная, как трава, а глазки синие, как лужицы в траве. Зверик был такой же, как мама, лохматый, зелёный, но только маленький. Но лес у них был не зелёный, а красный, и трава красная, как осенние листья. Зелёные звери в красном лесу.

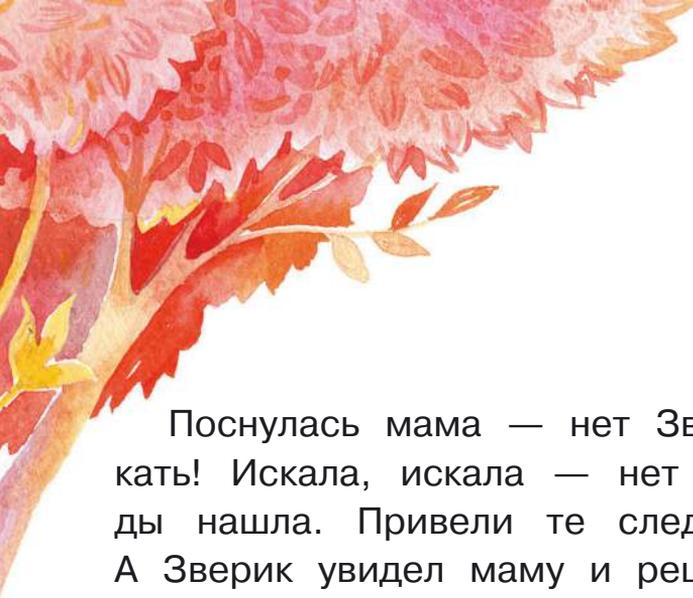
Один раз Зверуша говорит Зверику:

— Не уходи от меня далеко, а то потеряешься.

Обещал Зверик. А когда мама уснула, ему стало скучно, и решил он прогуляться. Сначала он прогулялся вокруг мамы, но круги становились всё больше, и Зверик отходил от мамы всё дальше. И вдруг он увидел бабочек. Побежал в такой лес, как наш, где листья и трава зелёные. И не стало Зверика видно!

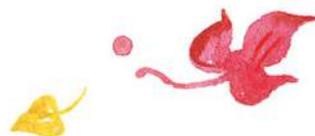

Послулась мама — нет Зверика. Она его искать! Искала, искала — нет нигде. Только следы нашла. Привели те следы в Зелёный лес. А Зверик увидел маму и решил с ней в прятки поиграть. Сидит и не откликается. Искала, искала его мама, звала, звала и ушла совсем в другую сторону. Тише и тише её голос, тише и тише, а когда совсем пропал, испугался Зверик и бежать за мамой вдогонку. Бежит, бежит, а догнать не может. Ещё бы, поди догони.

Заплакал он, а выйти из зелёной травы боится. Тут его никто не разглядит, не тронет. И догадался он по краю бежать. По зелёной опушке бежит, на красную смотрит! И видит: мама его в красном лесу стоит, большая, зелёная, далеко видно! Это она нарочно, чтобы Зверик увидел её. Зверик из лесу прямо к ней. Мама и шлёпать его не стала — так обрадовалась сыну.

Тёмное болото, топкое болото, тощие осины растут у трясины, под ними избушка, как сухая краюшка, в избушке старушка, Старушка-Завидушка. Сама с локоток, на голове платок. Живёт на болоте по своей охоте.

Её подружки — лягушки.

Лягушки: «Ква-ква-ква!»

Старушка: «Пошли вон!»

Вот и поговорили.

Дом у неё был маленький, чёрненький — ну как позавидуют.

Сидит Старушка-Завидушка в тёмном углу и шепчет:

— Убирать — скучно, вязать — скучно, шить — скучно, стирать — скучно, жить — скучно, умирать — скучно. Пойду да посмотрю, как люди живут.

Пошла в деревню, поселилась в крайней избе. Невелика — под лавкой и не видать.

И стал муж жену ругать:

— Всё не так, как у людей! А дети? Вот у людей дети как дети. А это что за дети! Сейчас возьму ремень!

А жена мужа ругает:

— Да что ж ты делаешь, грубиян этакий? Всё не так, как у людей! У людей отцы как отцы.

Жила-жила у них Старушка-Завидушка, пока не надоело. Услыхала, что в городе лучше, взяла котомку, пошла в город. Пришла вечером, её в темноте и не заметили.

И вот ночью в городской квартире ключ сам собою повернулся в замке, дверь чуть скрипнула, приоткрылась, закрылась. Но все спали. А если бы и не спали, ничего бы не услышали — так тихо пробрался кто-то. Сначала Старушка-Завидушка в тёмный шкаф залезла, а потом поселилась у девочки под кроваткой.

Была девочка как девочка, стала незнамо кто: — Хочу того! Хочу этого! У подружки платье лучше! У другой — сапоги! У третьей — пальто!

Замучились с ней, не знают, что и делать. Даже самой Старушке-Завидушке её крики надоело слушать.

Собралась раз эта девочка на день рождения к мальчику Пете. Купили ему в подарок большого мишку. А девочка вынула мишку из коробки:

— Сама хочу такого!

Коробка открыта. Старушка-Завидушка — раз! — и залезла вместо подарка.

— Поздравляем! Вот тебе подарок!

Открыли коробку, а там кукла. Да чуждая какая! Кукла-старушка, сама с локоток, на голове платок.

А девочка Старушку-Завидушку подарила и опять стала хорошей:

— Сейчас я мишку принесу! Там мишка должен быть! Я нечаянно перепутала!

Принесла скорее мишку, а коробочка пуста. Старушки-Завидушки и след простыл. Давно под кроватью у мальчика сидит. Ну, да все решили, что девочка ту куклу домой унесла.

Да не успела ведь! И началась в доме у мальчика совсем другая жизнь: не жизнь, а горе!

Только и слышится:

— Хочу да хочу! У всех есть, а у меня нет! Вынь да положь!

Замучились родители. И решили послать сына летом в лагерь — пусть поживёт с ребятами, подумает да оглядится. Как стали собирать чемодан, Старушка-Завидушка там еле-еле поместилась.

А в лагере перебралась к другим ребятам. Так теперь и переходит от одного к другому, и не знаешь, у кого она сейчас. Ох, и хитрая она, эта Старушка-Завидушка!

Встретились на улице Разиня и Растяпа. Разиня нёс молоко — кашу варить, а Растяпа — белила, потолки белить. Постояли, потолковали и попрощались.

Сварил Разиня кашу, ест и ругается:

— Ну и молоко! Бензином, что ли, коров поят?

А Растяпа белит потолок. Белит-белит, а потолок всё грязнее становится.

— Ну и краску делают! — ругается Растяпа. — Разве такой краской можно работать?

— Не стану есть такую кашу! — сказал Разиня, пошёл в магазин и купил макарон полную сумку.

А в сумке — дыра. Идёт и теряет макароны.

Растяпа идёт навстречу. Остановились, побеседовали и разошлись, каждый по своим делам.

Видит Растяпа: валяются на дороге белые палочки. Остановился — такой

хороший заборчик для грядки с огурцами получится, курица не проскочит. Ровные палочки, одна к одной!

Втыкает белые палочки в землю, а курица с цыплятами идут следом и клюют. Склевали макароны, пошли на грядку огурцами закусывать.

Обернулся Разиня:

— Батюшки! Куда забор-то подевался?

Встретились Разиня с Растяпой на улице.

— Хороша у меня собака! — говорит Разиня. — На своих не лает, чужих не пускает. И щенки такие же!

— А у меня свинья хорошая, — говорит Растяпа. — Очистки, объедки, корки — ничего не пропадает. Всё подчистит! И поросята такие же!

Пришёл Разиня домой, поскользнулся на арбузной корке. Лежит и думает: «Дом без свиньи не дом, хозяйство не хозяйство!»

А в дверь стучит Растяпа:
— Давай меняться. Вот вам
чудо-поросёночек! Весь в мать!
А взамен, пожалуйста, мне щенка.

Поменялись, поблагодарили друг
друга и простились. Но вместо
щенка Растяпа нечаянно забрал
своего поросёнка. Сунул его в ко-
нуру, положил косточку, ждёт, ког-
да тот затывкает.

А Разиня определил щенка пря-
мо в хлев. Глядит в оконце, тре-
вожится: «Что-то поросёнок помои

плохо хлебает. И хрюкает как-то странно, всё на собачий лай перескакивает».

— Ох, ну и жара, никогда такой не было! — сказал Разиня летом и затопил печку.

В гости пришёл Растяпа и удивился:

— Жара на улице, да ещё печку натопили!

— Вот и хорошо! — говорит Разиня. — Мне тут жарко, подойду к печке, а там ещё жарче. Я опять на лавочку — хорошо, прохладно! Попробуйте!

Подивился Растяпа уму своего друга. И вот зимой озяб Растяпа в холодном доме. Выскочил на улицу — там ещё холоднее. Сидит дома, греется. Потом опять на улицу. Потом в дом. Так и скакал, пока не простудился. Еле-еле вылечился.

Шли Разиня и Растяпа друг к другу в гости. А на пути — лужа.

— Вот как надо прыгать через лужу! — сказал Разиня. — Ой, нет! Не так!

— Эх, ты, Разиня! Вот как надо! — сказал Растяпа и прыгнул. — Ох, я хотел не сюда!

— Эх вы, разини! — сказал проходивший мимо человек. — Вот как надо.

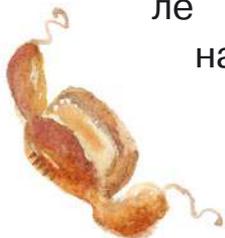
И засыпал лужу.

У Разини на доме прохудилась крыша.

— Надо починить, — решил он и сделал лестницу, но сэкономил. Короткая вышла лестница, не достаёт до крыши. — Пойду к другу, попрошу у него лестницу взаймы.

Пришёл и видит: лежит Растяпа в траве возле дома, охает. А к дому прислонена лестница. Высокая, выше крыши. Растяпа сэкономил несколько ступенек — обойдусь без них, так, мол, влезу, ноги длинные!

Разиня Растяпу пригласил в гости.

— Спасибо! Приду! — сказал Растяпа. — И вы ко мне приходите!

Сидит Растяпа вечером за накрытым столом, ждёт гостя.

Разиня тоже приготовил полон стол угощения, сидит, ждёт. Ждал-ждал Разиня, надоело, пошёл к Растяпе: «Ах, он такой-сякой! Обещал прийти!»

Идёт, а навстречу ему Растяпа:

- Вы почему не пришли?
- А вы почему не пришли?
- Я вас ждал!
- А я вас ждал!

Перестали сердиться, посмеялись и попрощались. На ночь глядя какие уж гости! Завтра встретимся!

На следующий день Растяпа — дверь на замок, идёт к Разине.

Разиня тоже повесил на дверь замок, идёт к другу.

Пришли оба в гости, а вместо хозяев — замки.

До того рассердились! Шагают по домам. А на середине дороги — хлоп! — лбами столкнулись и оба шлёпнулись. Сидят, друг на друга глядят.

— Вы где были?

— У вас в гостях. А вы где?

— У вас.

Как давай они хохотать! И помирились. И говорят, даже перестали быть разинями и растяпами.

Пришла пора создать образец вежливости, — решили учёные.

Сведения о вежливости, собранные в старинных книгах, а также свитках, поступили в ЭВМ, а потом по её расчётам был создан образец вежливости и этикета. Это был очень симпатичный робот с необыкновенно приветливым лицом и приятным голосом.

— От всего юного сердца приветствую вас, о прекрасные дамы и любезные джентльмены! — поклонился робот учёным, инженерам, рабочим и лаборантам, которые его придумали и сделали.

— Здравствуй, Этикетша! — дружно ответили все.

Так образец вежливости и этикета получил имя.

Необыкновенно вежливого Этикетшу отдали на время Юле и Феде, обыкновенным, хотя и вежливым ребятам. Пусть они помогут ему освоиться в нашем мире.

За столом Этикеша вёл себя как истинный рыцарь. Он ел сосиски именно так, как когда-то рыцари ели мясо вепря — руками.

— Вилка в левой, нож в правой, — сказали ребята. — Режь и ешь!

— Почтú за счастье, — ответил Этикеша, — воспользоваться этими благородными приборами, — и вонзил вилки в конфету.

После обеда все трое отправились гулять.

— В борьбе человека с пальто всегда вставай на сторону человека, — сказал Этикеше Федя. — Особенно если этот человек — девочка, — и помог Юле надеть пальто.

«Всё-таки далеко нашим мальчикам до средневековых пажей», — думала Юля, идя по улице рядом с Федей. А Этикеша шествовал позади и торжественно нёс концы её шарфа.

Этикеша продолжал осваиваться в современном мире, и перед ним вставали всё новые и новые задачи.

Задача: как сделать, чтобы утром поменьше времени тратить на одевание? А то некоторые ребята очень долго одеваются и всюду опаздывают.

— Рыцари и мушкетёры решали это очень просто, — обрадовался Этикеша. — Они и не раздевались!

Но ребята сказали ему:

— Одетыми спать вредно. А одежду надо сложить так, чтобы всё было под рукой.

— Клянусь компьютером, это очень разумно! — Этикеша лёг под одеяло и положил свои вещи так, чтобы они были под рукой.

«Остаётся только посочувствовать современным ребятам, — думал он утром, ползая под кроватью. — Гром и молния! И как это они находят свои ботинки?»

Всё, что Этикеша положил под правую и под левую руку прямо на кровать, за ночь куда-то подевалось. Ботинки в конце концов обнаружались у него под подушкой.

А куда вы кладёте свои вещи перед сном?

— **Ещё одна задача.** Дано: а) кошка, б) консервная банка. Требуется наилучшим образом связать их между собой. Что для этого нужно? — спросили Юля и Федя у Этикеши.

— Гы-гы! — сказали мальчишки, стоявшие рядом. — Верёвка, конечно!

Подозвали ничего не подозревавшую кошку, привязали к её хвосту пустую жестянку. Чем сильнее звенела жестянка, тем быстрее с отчаянным воплем бежала несчастная кошка.

— Уважаемая Киса! — закричал Этикеша и кинулся вдогонку. — Погодите, пожалуйста! Задача решена неправильно!

Кошка услышала ласковый голос Этикеши и остановилась.

Итак, дано: а) кошка, б) консервная банка. Требуется наилучшим образом связать их между собой. Что для этого нужно?

— Налить в банку молока! — сказал Этикеша.

Так он и сделал. И счастливую кошку никакими силами нельзя было оторвать от консервной банки, пока всё молоко не было выпито, а банка вылизана.

— Юля! С днём Восьмого марта! — сказал Федя.

— Ой! Живые цветы и зайчик! — обрадовалась Юля. — Как живой — белый, пушистый, с красными глазами!

«И я подарю Юле живые цветы и совсем живое существо, белое, пушистое, с красными глазками», — решил Этикеша. И принёс девочке кактус и белую мышку.

— Несравненная Юля! — начал Этикеша поздравительную речь. — Примите вместе с моими искренними по...
Постойте! Куда же вы?

Несравненная Юля больше всего на свете боялась мышей и в ужасе вскочила на стол.

Зимой Эतिकеша очень увлёкся спортом. При этом он совершил одну ошибку. Догадайтесь, какую именно, и заодно подумайте, не совершаете ли вы сами подобной ошибки?

— Бокс — лучший вид спорта! — решил Эतिकеша, увидев по телевидению боксёров. — И я готов бросить перчатку каждому, кто скажет, что это не так.

— Лыжи — лучший вид спорта! — воскликнул Эतिकеша, увидев на экране лыжников. — И я от души жалею тех, кто живёт в жарких странах!

— Хоккей — лучший вид спорта! И мой друг, бомбардир Федя, охотно это подтвердит! — сказал Эतिकеша, увидев по телевизору матч детских хоккейных команд.

— Фигурное катание — вот лучший вид спорта, — сообразил Эतिकеша, увидев на льду Юлю, свою добрую знакомую. — Хотел бы я знать, кто с этим не согласен?

Но вот пришла весна, растаял снег, зазеленела трава. А Эतिकеша всё сидел у телевизора.

— Должен признаться, я был не прав, — вздохнул Эतिकеша, когда стали

показывать игры на Кубок по футболу. — И не сойти мне с этого места, если футбол не самый лучший вид спорта!

Но ребята оторвали его от телевизора и привели на спортплощадку. Бедняга, вместо того чтобы прыгать и бегать, всё время шатался и падал. А когда Юля и Федя шли по бревну, Этикеша полз за ними на четвереньках и думал: «Наверное, вредно заниматься спортом только сидя перед телевизором. Это выводит из равновесия!»

В один прекрасный майский день Эतिकеша очень обрадовался цветам на опушке пригородного леса. Он побежал за Юлей и Федей, вернулся с ними на опушку и не нашёл на ней ни одного цветка. Зато в город шагали два огромных букета на ножках. Вскоре Эतिकеша увидел, как две девочки играют на асфальте, а рядом валяются и вянут цветы. Он долго плакал, а потом сочинил такие стихи:

В лесу под городом цветы
 Необычайной красоты!
 — Сорвём цветы, поставим в воду,
 Ужасно любим мы природу! —
 У пригородного леска
 Не встретишь больше ни цветка.
 Игра весёлая в разгаре,
 Цветы давно на тротуаре.
 В лесу под городом цветы...
 О, как им радовался ты!

Цветы напрасно рвать не будем.
Пускай живут на радость людям!

Но и этого Этикеше показалось мало. Он взял кисть, краски, большой лист бумаги и написал такое объявление:

**УВАЖАЕМЫЕ ДЕТИ!!!
ПОЖАЛУЙСТА,
ЕСЛИ МОЖНО,
БУДЬТЕ ТАК ДОБРЫ,
НЕ ОБРЫВАЙТЕ ЗРЯ ЦВЕТЫ!**

Этикеша, Юля и Федя ехали в битком набитом автобусе. Конечно же, все трое уступили места пожилым людям.

— Фу, какой слон! — раздался сердитый голос.

А другой голос, не менее сердитый, ответил:

— От лошади слышу. Куда лезете?

— Что вы сказали?

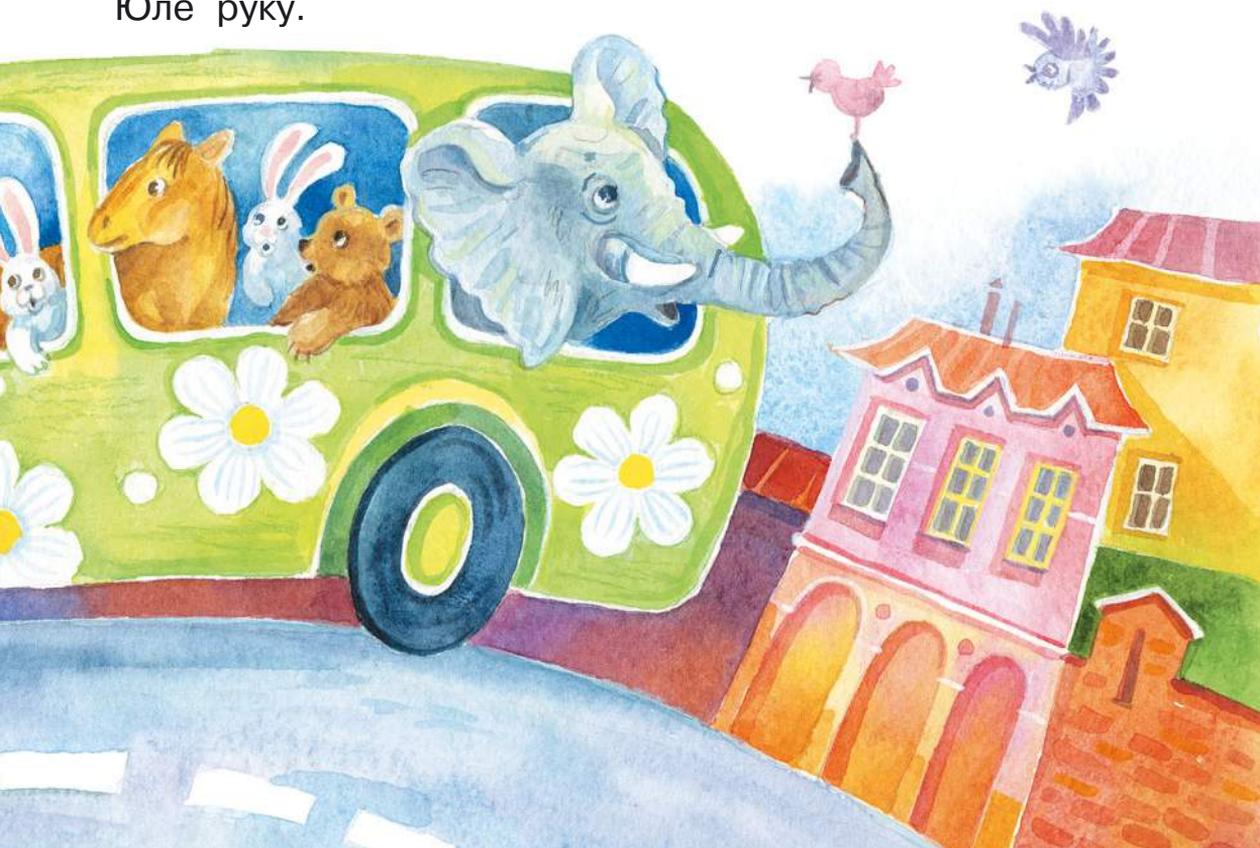
Неизвестно, что ответил бы тот, кого назвали слонем, если бы на весь автобус не прозвучал очень приятный голос:

— Простите, пожалуйста, досточтимый пассажир. Эта прелестная красавица назвала вас царём джунглей, могучим и бесстрашным. А вас, о прекраснейшая из пассажирок, этот незнакомец сравнил с удивительно стройным, быстрым, трудолюбивым, всеми любимым, благородным существом с большими глазами. А ещё он поинтересовался, скоро ли вы выходите и не мог бы он помочь вам пробраться к двери автобуса.

Все засмеялись, и в автобусе как-то сразу сделалось просторней.

— И чего они смеются? — удивился Этикеша, первым выходя из автобуса, чтобы подать Юле руку.

В магазине «Игрушки» Юля выбирала куклу для младшей сестры, а Федя — машину для братишки. Этикеша, стоя перед огромными прекрасными куклами, вдруг начал им кланяться, помахивая шляпой.

— О, сколь вы чудесны, прекрасны и нарядны!

— Этикеша, с кем ты разговариваешь?

Тот указал на кукол и ещё раз изящно подмёл перед ними пол пером своей шляпы. Ребята объяснили, что эти красавицы тоже игрушки. Этикеша обрадовался:

— О! Вот почему они мне не отвечали! А я думал, что очень им не понравился.

Он бегал по магазину и восхищался:

— Какие молодцы люди! Чего только не придумали! Даже меня, за что я им бесконечно признателен.

Тра-та-та!.. — раздалось из-за угла. Малыш трёх лет весело палил из автомата, целясь в кого попало.

— Что он делает? — спросил Этикеша. Что у него в руках?

Выслушав объяснение, Этикеша опечалился:

— Я думал, что люди умные-умные. А этот почему-то не очень?

— Все умные и добрые люди на Земле — за мир! А этот мальчик ещё очень маленький и глупенький, — сказали ребята.

10

Юля и Федя снова привели Этикешу к учёным, а сами остались на улице, ждали, когда кончится учёный совет.

Учёные очень хвалили Этикешу:

— Как он прекрасно себя ведёт! Какие у него хорошие манеры! Какое приветливое лицо! Но почему он всё время молчит?

— Потому, что невежливо перебивать старших, — ответил очень приятный голос. — Ведь мне сегодня только год.

Вдруг Этикеша (вот так так!) повернулся лицом к окну и стал спиной к уважаемому учёному совету.

— Да это же невежливо поворачиваться к людям спиной, когда они с тобой разговаривают! — встревожились учёные. — У него что-то испортилось. Слышите? Вместо того чтобы извиниться, он громко кричит: «Добро пожаловать!» Он перепутал вежливые слова, которые в него заложены!

Но Этикеша ничего не перепутал. Просто он увидел в окно Юлю и Федю. Ребята вошли в зал заседаний и сказали:

— Здравствуйте! Извините нас, пожалуйста! Мы хотим поздравить Этикешу с днём рождения. И вот тебе наши подарки!

— Ах, какие мы невежи! — смутились учёные. — Забыли поздравить с днём рождения! Прости нас, пожалуйста, милый Этикеша. И мы очень просим вас, ребята, чтобы вы нас здесь немного подождали, если это вас не затруднит, — сказали учёные, сели в машины и помчались за подарками и праздничным тортом.

На лугу жили ромашки. И все до одной с ветром разговаривали:

— Я — самая зелёная!.. Я — самая жёлтая!.. Я — самая белая!.. Я — самая стройная!.. Я — самая маленькая!

Или даже:

— Я — самая кривая!

Каждая говорит только о себе, другую не слушает. Надоело ветру такое хвастовство, он и улетел. Никто больше ромашек не слушает.

Тогда ромашки начали друг на друга поглядывать, листьями друг дружку потрогали. Глядь, они уже потихонечку разговаривают между собой.

— Ой, какая белая!.. Ой, какая жёлтая, как солнышко!.. Ой, какая стройная!.. Ой, кривая, но такая хорошая!

И давай друг с дружкой гово-

рить, друг дружке сказки рассказывать и придумывать стихи.

Услышал ветер их весёлые добрые разговоры, прилетел назад, да так на лугу и остался. Уж очень ромашки интересно рассказывали!

Семечко было маленькое, но умело очень много. Оно сумело всю зиму пролежать в промёрзшей земле и не замёрзнуть. Его не обманули оттепели. Оно лежало тихо-тихо и дожидалось настоящей весны. И когда пришла весна, очень ранняя, но уже настоящая весна, семечко тут же догадалось об этом. Оно тут же проросло, приоткрылось сверху и пустило вниз корни, чтобы есть.

И вот вылез маленький белый росточек. Он был совсем крошечный, но храбро рос и лез из земли прямо вверх. Рос и лез, пока не наткнулся на что-то твёрдое. Это было старое-престарое веретено. Когда-то, лет двести назад, одна бабушка очень любила на этом месте прясть свою пряжу, сидела на скамеечке и как-то

уронила веретёнце в траву, да так и не разыскала его. Хитрая внучка нарочно спрятала его, ей совсем не хотелось сидеть неподвижно и учиться прясть, а хотелось ей убежать с девочками купаться на реку.

Ничего этого, конечно, не знал маленький белый росток. Он просто попробовал прорасти через толстую деревяшку, а когда не получилось, обогнул её и начал опять расти вверх. Рос, рос, пока не наткнулся на что-то твёрдое. Попробовал проткнуть — куда там! Откуда было знать маленькому ростку, что тут лежит старый рваный лапоть. Его сто лет назад потерял в весенней луже маленький Васятка, когда удирал от злых шипящих гусей. Досталось тогда Васятке за утеранный лапоть, но искать там, где паслись злые гуси, Васятка не посмел.

Опять полез вверх росточек, опять обогнул что-то твёрдое. Так обогнул он трухлявую доску от забора, ржавый гвоздь, несколько черепков от разбитых чашек и

тарелок. Ему даже надоело. Только начнёт как следует расти кверху — раз! — уже что-то мешает. Он даже несколько раз собирался плюнуть на всё и перестать расти. Но потом отдыхал, собирался с силами и опять рос и рос. Обогнул пуговицу и вылез из земли. И тут что-то снова ему помешало. Это была папиросная коробка. Но вот подул ветер и унёс папиросную коробку. И впервые росток увидел небо, к которому рос, синее небо и сияющее солнце.

И от радости он расцвёл.

Синее небо, милое солнце, тёплый ветер. Ни пчёл, ни жуков не было слышно: очень ранняя весна. Зато слышались голоса, взрослый и детский.

Если бы росток понимал человеческие слова, как понимал он язык света и тепла, он бы услышал:

— Не лезь туда, там грязно! Кому говорят?

— Но, мама, смотри, там цветок! Я хочу его сорвать!

— Испачкаешь ботинки! Если бы ты был в ботах!

— Но, мама, там очень прекрасный цветок!

— Хватит с тебя цветов, всё равно сорвёшь и выбросишь. Слушаться надо старших. Не лезь, там грязно!

Цветок этого, конечно, не понял. Зато он понял, что надо спать, потому что солнце опустилось низко-низко, к самому краю неба, а потом закатилось.

Утром солнце опять поднялось. И поднял к нему свою голову маленький жёлтый цветок. Он стал ещё ярче и пушистей. Земля вокруг него подсохла. И опять раздалось два голоса, взрослый и детский, но только не те, не вчерашние.

— Смотри, смотри! Цветок!

— Не надо рвать его. Жалко. Такой мужественный цветочек! Вырасти около стройки!

Упала тень. Прямо над цветком два глаза, в каждом отражение по цветку.

— Скажи, правда, он похож на солнце? Не на большое, конечно, а на игрушечное. Правда?

Стрекоза и Лешонок

Жил-был на свете маленький лешонок. Такой маленький, что имени у него ещё не было. И однажды он увидел в небе стрекозу.

«Ну и стрекоза! Всем стрекозам стрекоза! — думал лешонок, маленький, без имени. — Таких стрекоз я ещё не видывал!»

Опускается стрекоза, летит всё ниже, всё ближе.

«Нет, — решает лешонок, маленький, без имени. — Это не стрекоза, совсем не стрекоза. Это птица! Ну и птица! Всем птицам птица! Таких птиц я ещё не видывал!»

Опускается птица, летит всё ниже, всё ближе. Лешонок от неё во всю прыть, со всех ног. Прячется за кустики, за кочки. А тень от огромной птицы несётся за ним по лугу. Остановилась тень, остановилась птица не птица, стрекоза не стрекоза. Остановился бедный лешонок, маленький, без

имени. Выглядывает из-за кочки из-за брусничных листочков маленькая головка вроде брусничной ягодки.

А птица не птица, стрекоза не стрекоза ничего не делает. Висит себе в воздухе, машет крыльями, и такой ветер поднялся — не подойти.

— Эй ты, стрекоза! — кричит лешонок на стрекозином языке.

Стрекоза не откликается.

— Эй ты, птица! — кричит лешонок по-птичьи.

Не отвечает птица.

— Эй ты! Ты кто? — кричит лешонок по-своему, по-лешачьи. И любопытно ему: кто же это прилетел без спроса на его поляну? Наверное, тоже нет имени, как у лешонка. Он подумал-подумал и решил пока (про себя и для себя) называть не стрекозу не птицу Леталкой.

Тут открылся у Леталки живот, высунулся длинный, до земли, хвост. И стали по этому хвосту спускаться не зве-

ри, не птицы, не маленькие леталки, а люди. Лешенок их сразу узнал, потому что повидал людей на своём коротком веку.

Люди спустились на землю и до самого вечера собирали среди кочек всякие травки, ловили и отпускали птиц. И каждой птице надевали на ногу кольцо. Наверное, чтобы птица не обиделась за то, что её поймали. Лешонку понравились эти блестящие кольца. Но — что поделаешь — он не был птицей, и, хотя несколько раз нарочно попадался людям на глаза, люди не обращали на него никакого внимания, будто он сучок какой или трухлявая ветка. Видно, ему не полагалось кольца.

Лешенок, правда совсем немножко, понимал по-человечески. А люди говорили,

до чего тут красиво, на лешонкиной поляне! Они, конечно, не знали, что хозяин этой поляны — маленький леший, которому всего три века, и что уже целый век он — хозяин этой поляны и следит за ней. А дом у него в лисьей норе. Лиса отдала ему свой дом, а себе новый вырыла. А когда маленький леший подрастёт, этак веков через десять, медведь для него хорошую берлогу приготовит. Звери и птицы все-все уважали маленького лешего.

Лешонок всё ходил следом за людьми и чуть не попал под сапог одному, с большой чёрной бородой, которой веков двадцать пять, наверно. Впрочем, у людей, кажется, считают годами, а не веками. И бородач, заметь он лешонка, решил бы, наверное, что ему не три века, а три года.

Лешонок спрятался в самый колючий куст. Он не очень понимал, о чём говорили люди, но часто слышал слово «заповедник». Он не знал, что это такое.

Когда Леталка улетела, лешонок сбегал в дальний Синий лес, где жил мудрый, старый леший. Тот тоже не знал. И русалки не знали. Водяной слыхом не слыхал. Полевики послали лешонка к овинникам, овинники — к домовым. Никто не знал, что такое «заповедник». Но все думали, что слово это хорошее и никакой беды

от него не будет. Сам лешонок тоже так считал. Если б те люди с Леталки задумали что-нибудь плохое, зачем бы они стали птицам кольца на ноги надевать, они б этих птиц ощипали и изжарили, чтоб больше не попадались.

А в одной старой избе домовёнок из-под печки вылез, послушал-послушал и спросил лешонка, как его зовут.

— Никак! — ответил маленький лешонок, ещё без имени.

— А может, люди про тебя говорили? Может, это тебя зовут Заповедник?

— Ой, как я не догадался! — сказал лешонок. — Зови и ты меня Заповедником. Пожалуйста!

Мафка, такой ёжик с мягкими иголками, жил вместе с сестрой Олимпией Марфутьевной и племянником в уютном домике под старым пнём среди кустов одуванчика, земляники и ежевики.

Муж Олимпии Марфутьевны и отец Мафёночка Муффий Алёнович тоже жил в этом доме, но его почти не было видно. (У мягких ёжиков имена всех мальчиков начинались на М, в середине имени было Ф, девочки назывались как кому нравится, лишь бы покрасивее, а отчество, или, вернее, матчество, давалось по имени матери.) Муффий Алёнович с утра уходил на службу, возвращался вечером и, счастливый, катал колясочку с малышом.

Мафка и Олимпия Марфутьевна к этому времени успевали досыта покатать колясочку с Мафёночком. Она была очень удобная: сзади —

приступочка, становись одной ногой, отталкивайся другой и катись, лучше всего с горы.

И вот однажды Муффий Алёнович сидел у себя в доме и читал вечернюю газету «Закат», которую не успел просмотреть вчера. По правде говоря, он держал её перед носом вверх ногами и мирно спал в своём любимом кресле. Вдруг что-то шмякнуло по газетному листу, провало его, и прямо на нос Муффию Алёновичу шлёпнулся порядочный кусок глины, за ним другой, третий. Он стряхнул глиняный ком с носа и шагнул к окну.

В палисаднике Мафка окучивал кусты ежевики, а это дело нелёгкое. Комья глины и земли так и летели во все стороны.

Муффий Алёнович отнёс замызганный и рванный «Закат» на чердак, куда он складывал макулатуру для утепления домика (это сэкономило сухие листья), взял махровое полотенце и отправился в ванну, турурукая свой любимый «Мечтательный марш».

Он с наслаждением погрузился в тёплую воду, как следу-

ет отмок, намылился и открыл душ, чтобы ополоснуть свои мягкие колючки. Потом он вытерся тремя полотенцами по очереди, иначе мягкие колючки не высохнут, посидел в тёплом уголке, убедился, что высох до последней колючечки, и вышел на крыльцо, чтобы вдохнуть свежий утренний воздух.

Муффий Алёнович вдохнул свежий воздух, покачнулся и со страшной скоростью полетел вверх ногами по ступенькам и — плюх! — опустился в таз с грязной водой. Это Мафка решил помочь сестре в генеральной уборке: взялся за мытьё пола, а уж если мыть, то с мылом, — вот он и намылил крыльцо.

Мафка помог Муффию Алёновичу вылезти из тастика и попытался вытереть родственника половой тряпкой. Тряпка стала, безусловно, чище, чего нельзя сказать о Муффии Алёновиче. Мягкие ёжики обычно не сердятся друг на друга. С помощью Мафки Муффий Алёнович на четвереньках (Мафка старательно подталкивал его сзади) кое-как по намыленным ступенькам вполз на намыленное крыльцо, достал из комода три свежих полотенца и скрылся в ванной комнате.

К обеду он явился в благодушном настроении и собственноручно покормил сыночка. Мафёночек сидел на своём

маленьком стульчике и маленькой ложечкой колотил по маленькому столику, стоявшему перед ним. Мафёночек уже скушал свою кашу, и все (и он сам, конечно) были очень рады. Муффий Алёнович решил, что на свете нет лучшей музыки, чем стук маленькой ложечки по маленькому столику.

Убедившись, что сынок наелся, Муффий Алёнович сел на свой стул, повязал салфетку, удовлетворённо оглядел обеденный стол. Всё в полном порядке. Вилки, ножи и ложки лежат на местах, соль и горчица не забыты. Муффий Алёнович в ожидании обеда взял большой кусок хлеба, намазал горчицей, а Олимпия Марфутьевна уже несла большую супницу, над которой носился вкусный, ароматный пар. За сестрой шёл Мафка и нёс боль-

шой слоёный пирог, при одном взгляде на который настроение у всех сразу стало прекраснейшим.

— Любезный брат, вы не могли бы прибавить в эту перечницу немного крепкого перца, того, что подарил нам Маффий Аглаевич, он хранится в большой красной банке на верхней полке, — попросил Муффий Алёнович, желая этим показать, что он всё простил и совершенно не сердится на Мафку.

Мафка высоко подпрыгнул от радости, стремительно понёсся в кладовую и вернулся с большущей красной банкой.

— Вот это? — спросил он, открывая брусничный сироп.

— Большое спасибо, любезный брат! — Муффий Алёнович решил не сердиться на Мафку. — Если этот пирог полить сиропом, будет ещё вкуснее.

И Мафка от радости щедро полил этим сиропом голову Муффия Алёновича, который как раз наклонился понюхать пирог. Все поняли, что Мафка сделал это не нарочно. Маленький Мафёночек перестал стучать деревянной ложкой и молча, с удивлением смотрел на папу, который с головы до ног стал красивого брусничного цвета, весь, кроме белой салфетки, повязанной на груди.

В комодe полотенecь больше не осталось, и Муффий Алёнович до позднего вечера просидел в своей комнате, вздыхая и боясь выйти из неё, чтобы не произошло какого-нибудь нового приключения.

Наступил второй день отпуска. Муффий Алёнович сладко зевнул, быстро вылез из-под одеяла, несколько раз попрыгал, столько же раз присел для разминки. Он чувствовал себя необычайно

чистым, пушистым и бодрым. В открытое окно донёлся удивительный запах кофе и ещё чего-то вкусного. Кухня находилась как раз под комнатой Муффия Алёновича. Он заторопился к завтраку.

Позавтракав в кругу семьи, Муффий Алёнович удалился в свою комнату насладиться свободой, отдохнуть и заодно просмотреть два доклада, четыре плана, шесть деловых бумаг и написать хотя бы одно из двадцати деловых писем, чего он не успел сделать на службе до отпуска. Он открыл окно, чтобы сразу насладиться свежим воздухом, свежей утренней газетой «Рассвет» и видом из окна в сад, где как раз гуляла Олимпия Марфутьевна с Мафёночком.

И тут послышался тягучий, душераздирающий визг. Муффий Алёнович высунулся из окна так далеко, что чуть не вывалился. Мафёночек спокойно спал в колясочке в другом конце сада. Олимпия Марфутьевна как ни в чём не бывало нанизывала для просушки ягоды земляники. Визжали в доме.

Муффий Алёнович, не чужая под собой лап, выскочил из своей комнаты, миновал коридор, промчался по крутой деревянной лестнице под самую крышу и остановился, тяжело дыша, перед дверью, за которой кто-то надрывался от визга.

Кто это мог вопить таким истошным голосом?

Поросёнок или злой дух? Во всяком случае, ни тому ни другому не место в доме! И Муффий Алёнович храбро приоткрыл дверь.

У слухового окна сидел Мафка и быстро-быстро, всеми четырьмя лапками, надраивал песком большую круглую стекляшку, которая верещала так громко, что у Муффия Алёновича тут же заболели уши. А Мафка, кажется, даже напевал песенку, судя по движению губ.

Мафка долго не мог найти для себя дела по вкусу. И вдруг однажды увидел увеличительное стекло. Оно поразило Мафку и так пришлось ему по душе, что ни о чём другом он не мог

говорить, думать и даже петь. Он решил стать мастером по изготовлению увеличительных стёкол и стал им.

Он уже сделал два с половиной стекла. Одно из них вставил в круглое окно домика. В жаркие дни окно закрывали ставнями, чтоб не случилось пожара, а в холодное открывали, и солнце обогрело дом. Второе стекло он подарил лучшему другу. Над третьим работа была в разгаре.

Мафка сам изобрёл способ, как делать увеличительные стёкла. Для этого нужно было отыскать стекляшку нужной величины, толщины и цвета. Белые стёкла от бутылок и банок вполне годились.

Стекло было почти готово, и, когда Мафка подносил его к носу, Муффий Алёнович видел, как сильно увеличивался нос Мафки, словно это был не мягкий ёж, а какой-нибудь барсук или даже медведь. Увидев Муффия Алёновича, Мафка прекратил работу и испуганно поглядел на родственника. Но Муффий Алёнович положил под стекло одну из деловых бумаг, которую он случайно захватил с собой, когда услышал ужасный визг. И вдруг он прочёл её всю, до последней буквы, в одно мгновение, хотя у себя на службе он бился над ней до самого отпуска и ничего не мог разобрать.

— Любезный брат! — сказал Муффий Алёнович. — Не могли бы вы подарить мне это удивительное стекло?

— Конечно! Конечно! — обрадовался Мафка. — Я как раз успею кончить его за твой отпуск!

И весь отпуск Муффия Алёновича Мафка трудился не покладая лап, а Муффий Алёнович слушал визг с чердака, как самую лучшую

музыку. Муффий Алёнович все эти дни радостно катал колясочку, в которой сидел его сынок, а Мафка время от времени грустно поглядывал на них из окошка. Ну, ничего, скоро кончится отпуск, и он снова будет катать племянника.

Мафка, ёжик с мягкими иголками, Мафёночек и Мафик бегали наперегонки. Мафик всегда выигрывал, а Мафёночек прибежал вторым, и всё было в порядке, никто не обижался. Они бегали от одного старого пня до другого.

А потом все лежали на песочке и загорали. Тихо шелестела трава, бесшумно порхали бабочки, Мафка пыхтел, Мафик сопел, Мафёночек похрюкивал. Всё было тихо и спокойно, и все были счастливы.

И вдруг... Как хорошо, что не всегда, когда всё тихо, и спокойно, и все счастливы, происходит это вдруг. А сейчас вдруг появился враг. Он был большой, шумный, грозный, грузный, грязный. Он только вылез из лужи, которую солнце сушило-сушило, никак не могло высушить. Досушит до конца, и опять потоки дождя

с неба смоят мусор, труху, окурки и лужа наполнится доверху.

Борову приснилось, будто он хлебает пойло в хлеву у корыта. И конечно же, не подпускает к корыту никого, даже своих дочерей, сыновей, внуков, и правнуков, и даже крошечных праправнуков, даже хозяев, когда они хотят подлить пойла. Ну и ел бы себе на здоровье — кому от этого хуже? Не столько съест, сколько расплещет и копытцами вытопчет.

Боров даже не понял, что всё это происходит во сне, и, проснувшись, обнаружил вместо корыта с пойлом лужу с грязной водой, расสวิрепел и бросился к реке искать, на кого ему обрушить свою злобу. Роет носом землю, поддевает рылом траву, рвёт корни, грязь с него так и сыплется. Носится по песку, хрипло хрюкает, топчет всё: и траву, и цветы.

Солнце греет, песочек мягкий, водичка в реке — сплошное удовольствие. Но купаться нельзя, и всё потому, что Боров пришёл, ревёт, скачет, хрюкает, храпит, хрипит, бьёт землю перед-

ними ногами, топчет задними, валяется с боку на бок и вверх ногами, катается по песку и по траве, и, что делать с ним, совершенно не ясно. Все убежали в кусты или в траву или спрятались за камушки, выглядывают и разводят лапками — что поделать? Мафик, убегая, поскользнулся на дорожке, споткнулся, упал, сидит за камешком, плачет. Мафёночек потерял башмачки и тоже плачет.

А Мафка очень страдал за себя, и за других, и даже за Борова. Мафка знал, что когда хозяева хватятся своего Борова, не найдут его в

хлеву или в луже, то быть ему битому, хозяева ему наподдадут, да так, что своих не узнает.

И тут Мафка вспомнил, что как раз сегодня он начал делать зеркало из стекляшки, найденной в мусорной куче. Мафка припустил со всех своих коротеньких ножек домой, схватил недоделанное зеркальце и — назад. Устроился за кустом и ну пускать солнечных зайчиков прямо в глаза Борову. Но зайчики, наверное, испугались Борова, никак не хотят попадаться ему на глаза. Носится Боров, крушит всё на своём пути.

Мафка вертел зеркальцем так и эдак: поймает зайчика — упустит Борова. По небу плыли облака. Скоро ни одного

зайчика не поймаешь. Мафка заторопился, выскочил из кустов, а Боров тут как тут. Уставился на зеркало и остановился как вкопанный. Потом повернулся — пяточком от зеркала, хвостиком к зеркалу — и наутёк, только его и видели. Это он увидел своё отражение и до того испугался: отроду такого чучела не встречал.

Прибежал в хлев, забился в дальний угол, дрожит от страха. И хорошо, что прибежал: хозяева смотрят, тут ли их Боров. А он на месте тихий и смирный, послушный.

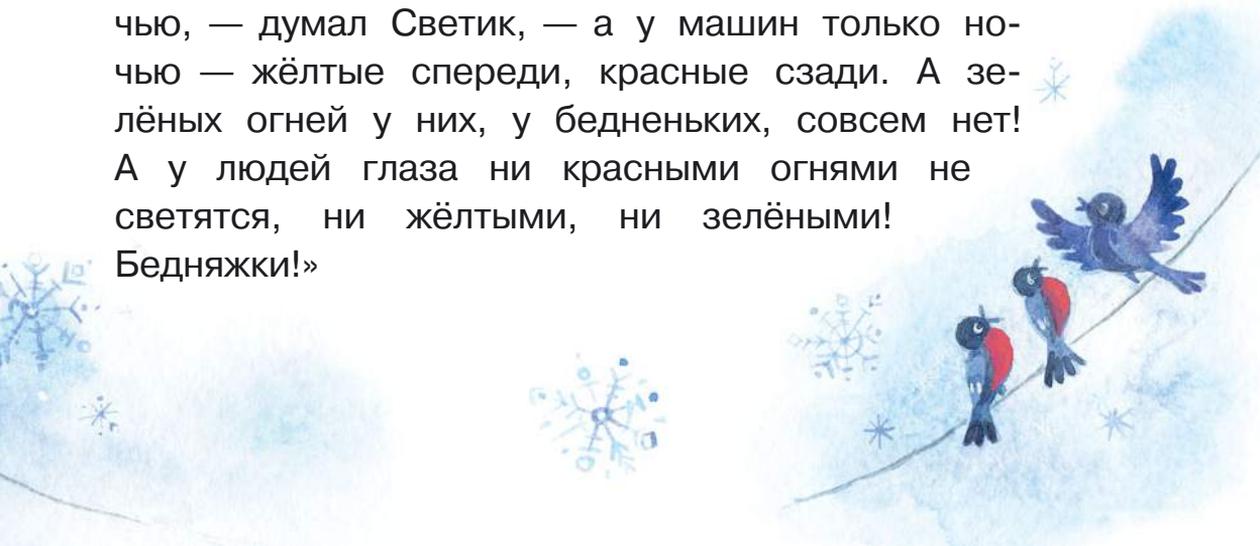

Ж

ил-был маленький светофор. Звали его Светик. Он стоял на перекрёстке двух небольших улиц и смотрел сначала в одну сторону зелёным глазом, в другую — красным, потом жёлтыми глазами в обе стороны сразу.

Стоит и смотрит день и ночь. А мимо идут машины большие, средние, маленькие; идут или бегут люди большие, средние и маленькие.

«Вот у меня глаза светятся днём и ночью, — думал Светик, — а у машин только ночью — жёлтые спереди, красные сзади. А зелёных огней у них, у бедненьких, совсем нет! А у людей глаза ни красными огнями не светятся, ни жёлтыми, ни зелёными! Бедняжки!»

Светик давно это заметил и очень жалел людей. Ведь он был добрый-предобрый.

А ещё он заметил, что и машины, и люди больше всего рады зелёному свету. Посмотрит Светик зелёным глазом — вот уже машины или люди бодро и весело двигают колёсами или ногами, у кого что есть.

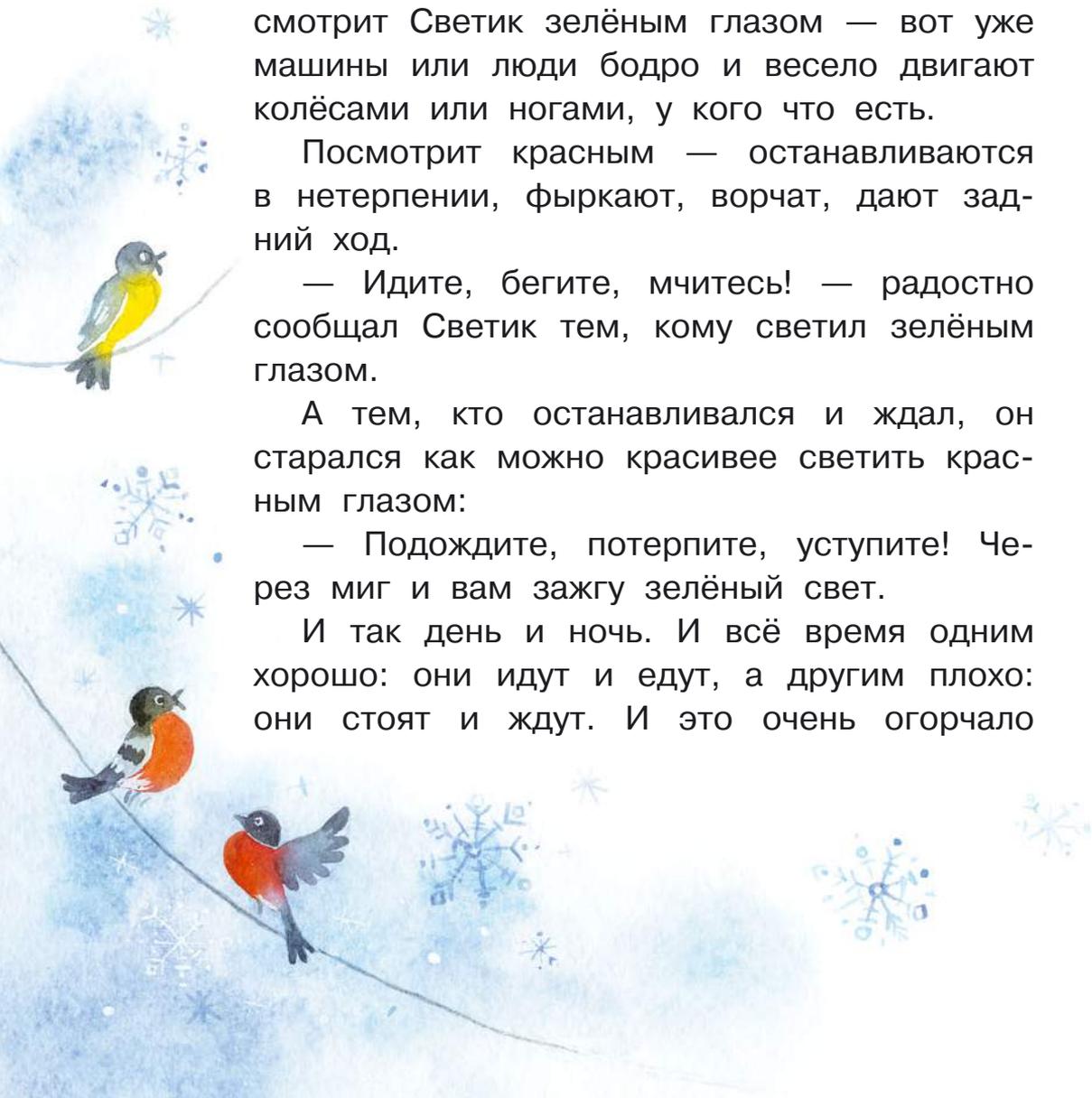
Посмотрит красным — останавливаются в нетерпении, фыркают, ворчат, дают задний ход.

— Идите, бегите, мчитесь! — радостно сообщал Светик тем, кому светил зелёным глазом.

А тем, кто останавливался и ждал, он старался как можно красивее светить красным глазом:

— Подождите, потерпите, уступите! Через миг и вам зажгу зелёный свет.

И так день и ночь. И всё время одним хорошо: они идут и едут, а другим плохо: они стоят и ждут. И это очень огорчало

доброе Светика. Ведь так неприятно говорить кому-нибудь «нет!» Особенно если он спешит.

И однажды Светик решил: пусть всем будет хорошо, буду смотреть сразу в обе стороны одними зелёными глазами! И сразу же всё затряслось, загудело, заскрежетало, завизжало. Сейчас машины налетят друг на друга, а люди попадут под машины!

Но к счастью, этих ужасных бед не произошло. Потому что Светик мог смотреть сразу в обе стороны только жёлтыми глазами, зелёные и красные выключались. И вот одни машины остановились на жёлтый свет, другие приготовились мчаться, но никто не сдвинулся с места.

«Я хотел быть добрым сразу ко всем, — подумал Светик, — и чуть было не погубил всех!» И опять вместо двух жёлтых глаз зелёный поглядел в одну сторону, красный — в другую. И все обрадовались. И те, кто помчался или пошёл вперед. И те, кому пришлось ненадолго остановиться и подождать.

— Всё-таки, наверное, лучше вовремя сказать «нет», — объяснял Светик осенним листьям, которые кружились вокруг него на ветру.

— О, конечно, конечно! — шуршали в ответ листья, и ветер уносил их.

— Так приятно всегда говорить «да», и всё-таки иногда «нет» лучше, чем «да», — рассказывал Светик снежинкам, которые так весело плясали вокруг него и становились то зелёными, то красными, то жёлтыми. И снежинки тихо соглашались с ним. А птицы внимательно слушали Светика и говорили:

— Да-да, конечно! Ты прав! Поэтому возле тебя так тепло и спокойно!

У ребят на школьном дворе, там, где много песка и низенькой травки, — космодром. Запускаются ракеты. Много ракет, самых разных: серебристых, красных, оранжевых, синих, металлических, пластиковых.

Запускается серебристая ракета.

— Четыре... три... два... один!.. Пуск!

Долго летит серебристая ракета. Мимо созвездий Тельца, Ориона, мимо спиралевидной галактики, не долетая до Крабовидной туманности. Скорость ракеты равна скорости времени: $T \times E^3$. Сколько хочешь быть в пути, столько и будешь. При такой скорости расстояние, вернее, пространство — не помеха.

Планета. Обитаема? Нет? Космонавты осторожно облетают вокруг планеты несколько раз. Роботы-зонды берут пробу атмосферы у самой поверхности. Воздух для землян не пригоден,

придётся ходить в скафандрах. Но кислорода в атмосфере много. В скафандре — специальное устройство для добывания кислорода из атмосферы других планет.

Мягкая посадка. Буквально мягкая: облака легчайшей, нежной желтоватой и розовой пыли (она оказалась ещё и душистой) поднялись над планетой. Как хорошо, что сумели так удачно посадить корабль, не повредить ничего на планете!

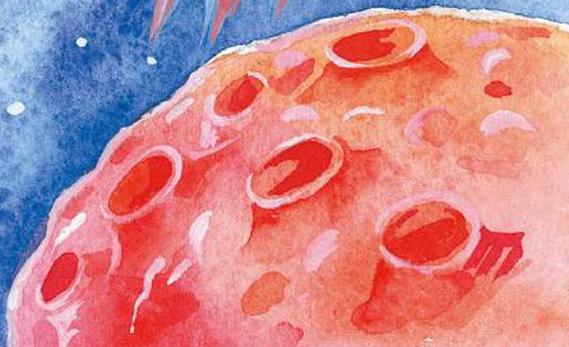
Кругом цветы. Миллионы крупных, средних, мелких цветов всех оттенков радуги. Деревьев не видно. И гор нет. Что-то вроде бесконечной прекрасной степи.

Космонавты идут и идут среди цветов. Цветы по пояс, и по колено, и чуть выше башмаков, и почти до плеч. Цветы покачиваются от ветра. Листья и трава зелёные, как на Земле. Космонавтам хорошо. Правда, вскоре они очень устали. Идти тяжело. Подошвы будто свинцовые, скафандр, как латы у средневекового рыцаря. Средневековых рыцарей возили лошади. Космонавты начинают жалеть, что не поехали на вездеходах. Но космическое общее правило: первые шаги на незнакомой планете, если возможно, ногами.

Ракета близко. Она прекрасно видна. Но идти к ней нет сил. Космонавты просто падают на

планету, в траву, в цветы. Они — разведчики, за ними наблюдают из ракеты, и они в безопасности. Просто эта планета гораздо крупнее Земли, сила тяготения — больше.

Разведчиков четверо: Серёжа, Фергюс, Поль и Луи. Серёжа первый открывает глаза. Цветы кивают уже не от ветра, а словно в такт музыке. В микрофоне — шорох, писк, песенки. Кто-то поёт тонко, как колокольчик. Чудесная мелодия, похоже на Моцарта. Серёжа — мастер поваляться. Всегда вставал позже всех. Но музыку любил больше всех. Он боялся двигаться, разбудить товарищей. Что за музыка? Кто поёт? Цветы?

Тихо встал, подошёл к ромашкам — так он условно назвал душистые желтоватые с розовой серединой цветы. И вдруг вылезли чьи-то рожицы: уши врозь, рот до ушей, глаза широко расставлены. Увидели, что Серёжа на них смотрит. Один, самый храбрый или самый весёлый, поманил его пальчиком, не длиннее спички, и как захохочет. А кругом песни, смех, будто чириканье. Серёжа кинулся на голос, нечаянно улыбнулся — очень смешное существо выглядывало из-за цветка.

Серёжа поманил его пальцем. Существо точно так же согнуло пальчик и поманило Серёжу. Серёжа не выдержал и хихикнул. Существо тоже покатило со смеху.

Смеялись они совсем как люди. Они — потому что из-за цветов, из травы на Серёжу смотрело и покачивалось никак не меньше двадцати существ. Похожие на того, первого, и немножко разные. Но все лопухие, толстые, какие-то пушистые. Нормальному взрослому человеку по колено, не выше сапога.

Они (Серёжа прозвал их смешнушками) бегали между травами и цветами, будто в лесу, кувыркались, подпрыгивали, прятались друг от друга. Отовсюду

слышались то хихиканье, то смех, то писк, кончавшийся смехом. Щебетание, чириканье какое-то: ну, то ли птицы, то ли кузнечики.

Серёжа оглянуться не успел, как понял, что играет в прятки. Тот, кто первым выглянул из ромашек (Серёжа мысленно назвал его Хохотунчиком), снова спрятался за огромный, вроде земного лопуха, лист. А когда удивлённый Серёжа заглянул в глубь лопушиного куста и увидел там притаившихся малышей, то просто покатился со смеху и закатился за что-то вроде кактуса без колючек. Когда Серёжа обнаружил его там, Хохотунчик, заливаясь как колокольчик, скрылся в каких-то цветах, напоминавших розы без шипов, и исчез. Но вот заколыхались и захихикали какие-то жёлтые цветы, и Серёжа среди них поймал за пятку Хохотунчика. Тот дрыгал другой ногой, махал руками. Серёжа осторожно поставил его в траву.

Проснулись другие космонавты и решили, что самый младший из них уже сошёл с ума в условиях новой планеты, потому что он бегал несколько тяжеловато, как увалень, нелепо махал руками, резвился и хохотал.

Как было весело исследовать эту планету!

— А что вы делаете с утра до вечера?

Смешнушки посмотрели друг на друга, а потом как покатаются со смеху. Вопрос показался им очень забавным.

— А что вы едите?

К этому вопросу смешнушки отнеслись куда серьёзней:

— А у нас на грядочках ягоды поспели! Вот это очень вкусное!

По виду — кактус без колючек, по вкусу — что-то среднее между яблоком и дыней. Растут повсюду.

— И это очень вкусное.

Растения, похожие на светло-зелёных гусениц, тянутся на своих корнях, будто сороконожки, много-много корешков и длин-

ное, вытянутое низко над почвой тело. Смотреть на него не очень приятно, а по вкусу похоже на ананас.

— Оторвём кончик, корни лучше не трогать, на корнях новое вырастет, — объяснили смешнушки.

Ещё там росло что-то вроде орехов. По одному, но очень большому на каждом стебле, довольно твёрдому, деревянному. Стебель с четырьмя листиками, увенчанный орехом, как шляпкой гриба. И по вкусу — орех. В озёрах, в реках съедобные корни, по виду похожие на кораллы, а по вкусу — на арбузы. В море такие же стебли, но потемней и напоминают вкус солёных огурцов.

— А у нас ботиночки на грядках растут! — Смешнушки чуть не тянут космонавтов за ноги туда, где на грядках спеют плоды, похожие на

каштаны, с кожаной скорлупой. — Серёдочку кушаем, а остальное меряем, кому в самый раз.

Очень рады гостям, потому так и говорят, будто не объясняют, а угощают, беспокоясь, понравится ли, придётся ли по вкусу.

И опять, как порою кажется землянам, ни с того ни с сего пляшут, поют, гоняются друг за другом, кричат что-то весёлое, непонятное, наверное, даже им самим. То в салочки играют, то в пряталки. То встречается хорошая ветка, качаются без устали. То дуют, трубят в цветки или стручки, похожие на трубы. То купаются в озёрах, плавают на листьях и загорают прямо на листьях цветов, похожих на лотосы.

— Дождь у вас бывает?

— Бывает, бывает! Но сейчас нету!

— Куда же вы — от дождей?

— В домики! Вот пойдёт дождь, побежим туда вместе с нами?

Но экспедиция так и не дождалась сезона дождей. Пора улетать. На планете — ужас. Хохотунчик залез в карман Серёжиного комбинезона, спрятался, не хотел расставаться. Чуть не умер в ракете. Спасли только взятым на пробу воздухом планеты. Вернулись, вы-

садились, пообещали плачущему Хохотунчику непременно когда-нибудь к ним прилететь снова.

— Мы вас очень, очень, очень ждём! — чирикали смешнушки. — Мы вас очень, очень, очень любим! Мы вас очень, очень, очень помним!

Спустились на планету — туман, дождь, сплошная сырость. Жители от мала до велика ходят и плачут. Увидели космонавтов, заставляют их:

— Плачьте! Почему не плачете?

— А вы почему плачете?

Оказывается, когда-то, давным-давно, очень давно, на этой планете умер король. Он был то злой, то добрый. Вернее, и злой и добрый. А ещё верней, был злой, но притворялся добрым. Детей у него не было. Умирая, он завещал королевство тому, кто будет больше по нему, по королю, плакать.

И жители плакали. Сначала — старательно показывая друг другу свои слёзы, потом — по привычке. К тому же каждый считал себя королём, несправедливо лишённым наследства, искренне начинал плакать и не мог остановиться.

Каждый житель планеты передавал завещание покойного короля своим детям. И дети, единственные во всей вселенной дети, плакали на радость своим родителям, которые, слушая их рёв, рыдали ещё старательнее. Бесконечные дожди лились на этой планете в переполненные моря.

И только во сне жителям Грустной планеты было тепло, сухо, ласковое, милое солнышко грело планету, и они улыбались и даже смеялись во сне, а проснувшись, плакали ещё сильнее. Было от чего плакать!

— Вы не здешние! — сказали они космонавтам. — Пожалуйста, скажите нам, кто из нас лучше плачет?

— Все! — ответили космонавты. — Планета принадлежит вам всем!

И когда они улетели, жители Грустной планеты, вытерев слёзы, размышляли, что означают эти слова. А когда поняли, то рассмеялись от радости.

Космический корабль опустился на пустыре. Аккуратненько, чтоб никого не потревожить. Поднялось огромное облако пыли. Всё кругом покрыто пылью. Пыльные угрюмые жители мрачно ходят по планете и угрюмо поглядывают друг на друга.

Их солнце всегда казалось жителям Угрюмой планеты серым. И листья на деревьях серые, и трава серая, и дороги. И даже озёра. Ведь они отражали серое небо, всегда серое.

Трава, и кусты, и деревья привыкли к пыли, так и росли. А учёные Угрюмой планеты (да-да, там были и учёные) занимались пыльными делами в Академии пыльных наук и писали труды о благороднейших оттенках единственного серого цвета.

Король Скук и королева Скука сидели на тронах, принимали жалобы и доносы и в молчании

управляли. Разговаривать было не надо, потому что папки с доносками молча приносились, читались и тут же уносились и складывались, чтобы пылиться в архиве. Для этого были построены специальные склады, большие, серые, без окон.

У каждого жителя был свой склад. Сделает что-нибудь — сейчас же сядет, запишет и оставит на складе для потомства: такого-то месяца и дня я, мол, сделал то-то...

Даже дети не шумели, не пели, не плакали в этой стране и выучивались писать раньше, чем разговаривать. И писали друг другу и родителям просьбы, жалобы и тому подобное в двух экземплярах. Второй экземпляр прятали в своих маленьких складах.

Только весной были на той планете и сильный ветер, и очень яркое солнце. Ветер разрывал пыльные тучи. Яркое солнце лучами освещало всё-всё и проникало куда надо и куда не надо. И тогда угрюмые люди что-то вспоминали,

им хотелось жить совсем по-другому. И они плакали и даже ходили друг к другу в гости. Но потом возвращались и писали об этом докладные записки в двух экземплярах.

Космонавтов жители Угрюмой планеты и слушать не стали: напишите, мол, в двух экземплярах, кто вы, откуда, куда и с какой целью летите, и убирайтесь подобра-поздорову.

А космонавты вместо скучных отчётов записали для жителей Угрюмой планеты самые весёлые и добрые сказки, какие только вспомнили, и нарисовали к ним прекрасные рисунки. И когда они улета-

ли, то уже все жители Угрюмой планеты читали, перечитывали, переписывали и даже сами сочиняли сказки и рассказывали их друг другу.

— Сказки спасут планету! — радовались космонавты, улетая. — Что-что, а сказки не будут пылиться в архивах!

СОДЕРЖАНИЕ

СКАЗКИ СТАРОЙ ТРЯПИЧНОЙ КУКЛЫ

«— Было это давным-давно...»	7
В школу	13
Федотик	19
Медвежий угол	24
Медвежонок Бурик	32
Туча	39
Лягушонок	44
Хрюшка и Чушка	46
Коза в яме	48
Конурники	51
Гостинец	62
Вуколочка у Севрюка с Пахмурой	69

СКАЗКИ МУДРОГО ПРОФЕССОРА

Мудрый профессор.....	77
Нескушанный сад.....	82
Гиппопоташка	88
Зверик	93
Старушка-Завидушка	96
Разиня и Растяпа	100
Этикеша.....	107
Ромашки	122
Семечко	124
Стрекоза и лешонок.....	129
Мафка.....	136
Зеркало.....	147
Светофорчик.....	153
Смешнушки.....	157
Грустная планета	168
Угрюмая планета.....	170

УДК 821.161.1-34-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Литературно-художественное издание
эдеби-көркемдік баспа
Серия «Старые добрые сказки»
Для детей до 3-х лет

Татьяна Ивановна Александрова СКАЗКИ СТАРОЙ ТРЯПИЧНОЙ КУКЛЫ

Сказки

Художник А. Зинина

Дизайн обложки Т. Барковой

Редактор Г. Коненкина. Художественный редактор Н. Федорова
Технический редактор Е. Кудиярова. Корректор А. Ковалёва
Компьютерная вёрстка Н. Соколов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры
Книжная продукция — ТР ТС 007/2011

Дата изготовления: 2018 год.

Подписано в печать 10.08.2018. Формат 70х90/16
Усл. печ. л. 12,76. Печать офсетная. Тираж экз. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»

129085, г. Москва, Звёздный бульвар, дом 21, строение 1, комната 705, пом. 1, 7 этаж.
Наш электронный адрес: malysh@ast.ru. Home page: www.ast.ru

Мы в социальных сетях. Присоединяйтесь!

https://vk.com/AST_planetadetstva

https://www.instagram.com/AST_planetadetstva

<https://www.facebook.com/ASTplanetadetstva>

«Баспа Аста» деген ООО

129085, Мәскеу қ., Звёздный бульвары, 21-үй, 1-құрылыс, 705-бөлме, 1 жай, 7-кабат.

Біздің электрондық мекенжаймыз : www.ast.ru E-mail: malysh@ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан и Представитель по приему претензий в
Республике Казахстан - ТОО РДЦ Алматы, г. Алматы.

Қазақстан Республикасына импорттаушы және Қазақстан Республикасында
наразылықтарды қабылдау бойынша өкіл – «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ.,
Домбровский көш., 3«а», Б литері, офис 1. Тел.: 8(727) 2 51 59 90,91,
факс: 8 (727) 251 59 92 ішкі 107;

E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz, www.book24.kz

Тауар белгісі: «АСТ»

Өндірілген жылы: 2018

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация қарастырылған

Александрова, Татьяна Ивановна.

А46 Сказки старой тряпичной куклы : [сказки] / Т. Александрова; худож. А. Зинина. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 174, [2] с. : ил. — (Старые добрые сказки).

ISBN 978-5-17-101486-5.

Татьяна Ивановна Александрова (1929-1983), знакомая многим читателям по сказкам про домовёнка Кузьку, написала много сказок для детей. Эта книга познакомит читателя с двумя сказочными циклами — «Сказки старой тряпичной куклы» и «Сказки мудрого профессора».

«Сказки старой тряпичной куклы» написаны с использованием образов русского фольклора и под впечатлением от рассказов няни Матрёшеньки (Матрёны Фёдоровны Царёвой), поволжской крестьянки. В цикле «Сказки мудрого профессора» Татьяна Александрова вместе с рассеянным профессором рассказывает самые разные занимательные, остроумные и очень добрые, светлые сказки, в том числе о будущем. «Сказки спасут планету!» — провозглашали герои одной из сказок Татьяны Александровой.

Для детей до 3-х лет.

© Александрова Т. И., насл., 2018
© Ил., Зинина А.В., 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Старая тряпичная кукла знает много сказок и любит их рассказывать хорошим деткам. Вот и вам она расскажет свои сказки, садитесь поудобнее и слушайте. Первая сказка про вольный Ветер, который залетел в гости к маленьким девочкам и стал им жаловаться на то, что его никто не любит. Но девочки его утешили, они ему сказали: «Нельзя без тебя, без Ветра. Сено без тебя не просохнет, хлеб не обмолят, тучи с места не стронутся...» С тех пор вольный Ветер полюбил прилетать к девочкам и играть вместе с ними. Читайте интересные и увлекательные сказки Т. Александровой, автора знаменитого «Домовёнка Кузьки». Сказок этих много в нашей большой и красивой книге.

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-101486-5

9 785171 014865